Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца

Батюшка о. Серафим поступил в Саровскую пустынь в 1778-м году, 20-го ноября, накануне Введения Пресвятой Богородицы во храм и поручен был в послушание старцу иеромонаху Иосифу.

Родиной его был губернский город Курск, где отец его, Исидор Мошнин, имел кирпичные заводы и занимался в качестве подрядчика постройкой каменных зданий, церквей и домов. Исидор Мошнин слыл за чрезвычайно честного человека, усердного к храмам Божиим и богатого, именитого купца. За десять лет до смерти своей он взялся построить в Курске новый храм во имя преподобного Сергия, по плану знаменитого архитектора Растрелли. Впоследствии, в 1833 году, этот храм сделан был кафедральным собором. В 1752-м году состоялась закладка храма, и, когда нижняя церковь, с престолом во имя преподобного Сергия, была готова в 1762-м году, благочестивый строитель, отец великого старца Серафима, основателя Дивеевского монастыря, скончался. Передав все состояние своей доброй и умной жене Агафии, он поручил ей довести дело построения храма до конца. Мать о. Серафима была еще благочестивее и милостивее отца: она много помогала бедным, в особенности сиротам и неимущим невестам.

Агафия Мошнина в течение многих лет продолжала постройку Сергиевской церкви и лично наблюдала за рабочими. В 1778-м году храм был окончательно отделан, и исполнение работ было так хорошо и добросовестно, что семейство Мошниных приобрело особое уважение между жителями Курска.

Отец Серафим родился в 1759-м году, 19-го июля, и наречён Прохором. При смерти отца Прохору было не более трёх лет от рождения, следовательно, его всецело воспитала боголюбивая, добрая и умная матушка, которая учила его более примером своей жизни, проходившей в молитве, посещении храмов и в помощи бедным. Что Прохор был избранником Божиим от рождения своего - это видели все духовно развитые люди, и не могла не почувствовать благочестивая его мать. Так, однажды, осматривая строение Сергиевской церкви, Агафия Мошнина ходила вместе со своим семилетним Прохором и незаметно дошла до самого верха строившейся тогда колокольни. Отойдя вдруг от матери, быстрый мальчик перевесился за перила, чтобы посмотреть вниз, и, по неосторожности, упал на землю. Испуганная мать в ужасном виде сбежала с колокольни, воображая найти своего сына разбитым до смерти, но, к несказанной радости и величайшему удивлению, увидела его целым и невредимым. Дитя стояло на ногах. Мать слёзно возблагодарила Бога за спасение сына и поняла, что сын Прохор охраняется особым Промыслом Божиим.

Через три года новое событие обнаружило ясным образом покровительство Божие над Прохором. Ему исполнилось десять лет, и он отличался крепким телосложением, остротою ума, быстрою памятью и, одновременно, кротостью и смирением. Его начали учить церковной грамоте, и Прохор взялся за дело с охотою, но вдруг сильно заболел, и даже домашние не надеялись на его выздоровление. В самое трудное время болезни, в сонном видении, Прохор увидел Пресвятую Богородицу, которая обещала посетить его и исцелить от болезни. Проснувшись, он рассказал это видение своей

матери. Действительно, вскоре в одном из крестных ходов несли по городу Курску чудотворную икону Знамения Божией Матери по той улице, где был дом Мошниной. Пошёл сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ход, вероятно, для сокращения пути и избежания грязи, направился через двор Мошниной. Пользуясь этим случаем, Агафия вынесла больного сына на двор, приложила к чудотворной иконе и поднесла под её осенение. Заметили, что с этого времени Прохор начал поправляться в здоровье и скоро совсем выздоровел. Так исполнилось обещание Царицы Небесной посетить отрока и исцелить его. С восстановлением здоровья Прохор продолжал успешно своё учение, изучал Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг.

Старший брат Прохора, Алексей, занимался торговлею и имел свою лавку в Курске, так что малолетнего Прохора заставляли приучаться к торговле в этой лавке; но к торговле и барышам не лежало его сердце. Молодой Прохор не опускал почти ни одного дня без того, чтобы не посетить храма Божия, и, за невозможностью быть у поздней литургии и вечерни по случаю занятий в лавке, он вставал ранее других и спешил к утрене и ранней обедне. В то время в г. Курске жил какой-то Христа ради юродивый, которого имя теперь забыто, но тогда все чтили. Прохор с ним познакомился и всем сердцем прилепился к юродивому; последний, в свою очередь, возлюбил Прохора и своим влиянием ещё больше расположил душу его к благочестию и уединённой жизни. Умная мать его всё примечала и душевно радовалась, что её сын так близок к Господу. Редкое счастье выпало и Прохору иметь такую мать и воспитательницу, которая не мешала, но способствовала его желанию выбрать себе духовную жизнь.

Через несколько лет Прохор стал заговаривать о монашестве и осторожно вызнавал, будет ли мать его против того, чтобы ему пойти в монастырь. Он, конечно, заметил, что добрая его воспитательница не противоречит его желанию и охотнее хотела бы отпустить его, чем удержать в мире; от этого в его сердце ещё сильнее разгоралось желание монашеской жизни. Тогда Прохор начал говорить о монашестве со знакомыми людьми, и во многих он нашел сочувствие и одобрение. Так, купцы Иван Дружинин, Иван Безходарный, Алексей Меленин и ещё двое выражали надежду идти вместе с ним в обитель.

На семнадцатом году жизни намерение оставить мир и вступить на путь иноческой жизни окончательно созрело в Прохоре. И в сердце матери образовалась решимость отпустить его на служение Богу. Трогательно было его прощание с матерью! Собравшись совсем, они посидели немного, по русскому обычаю, потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги и спросил её родительского благословения. Агафия дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным крестом. Взяв с собою этот крест, он до конца жизни носил его всегда открыто на груди своей.

Не маловажный вопрос предстояло решить Прохору: куда и в какой монастырь идти ему. Слава подвижнической жизни иноков Саровской пустыни, где были уже многие из Курских жителей и настоятельствовал о.

Пахомий, Курский уроженец, склоняла его идти к ним, но ему хотелось предварительно быть в Киеве, чтобы посмотреть на труды Киево-Печерских иноков, испросить наставление и советы от старцев, познать чрез них волю Божию, утвердиться в своих мыслях, получить благословение от какого-нибудь подвижника и, наконец, помолиться и благословиться у св. мощей преп. Антония и Феодосия, первоначальников иночества. Прохор отправился пешком, с посохом в руке, и с ним шли еще пять человек Курских купцов. В Киеве, обходя тамошних подвижников, он прослышал, что недалеко от св. лавры Печерской, в Китаевской обители, спасается затворник, по имени Досифей, имеющий дар прозорливости. Придя к нему, Прохор упал к ногам его, целовал их, раскрыл пред ним всю свою душу и просил наставлений и благословения. Прозорливый Досифей, видя в нём благодать Божию, уразумев его намерения и провидя в нём доброго подвижника Христова, благословил его идти в Саровскую пустынь и сказал в заключение: "Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сиё тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твоё. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия так: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго! В этом да будет всё твоё внимание и обучение; ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сиё непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём: с ним найдёшь покой, приобретёшь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святый, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святыне, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия!"

Беседа блаженного старца Досифея окончательно утвердила юношу в добрых намерениях. Отговевши, исповедовавшись и причастившись Святых Таин, поклонившись ещё раз св. угодникам Киево-Печерским, он направил стопы свои на путь и, охраняемый покровом Божиим, благополучно прибыл опять в Курск, в дом своей матери. Здесь он прожил ещё несколько месяцев, даже ходил в лавку, но торговлей уже не занимался, а читал душеспасительные книги в назидание себе и другим, которые приходили поговорить с ним, расспросить о святых местах и послушать чтения. Это время было его прощанием с родиной и родными.

Как уже сказано, Прохор вступил в Саровскую обитель 20-го ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Стоя в церкви на всенощном бдении, видя благочинное совершение службы, замечая, как все, от настоятеля до последнего послушника, усердно молятся, он восхитился духом и порадовался, что Господь указал ему здесь место для спасения души. О. Пахомий с малолетства знал родителей Прохора и потому с любовью принял юношу, в котором видел истинное стремление к иночеству. Он определил его в число послушников к казначею иеромонаху Иосифу, мудрому и любвеобильному старцу. Сперва Прохор находился в келейном послушании старца и с точностью исполнял все монашеские правила и уставы по его указанию; в келии он служил не только безропотно, но и всегда с усердием. Такое поведение обратило на него внимание всех и приобрело ему расположение старцев Иосифа и Пахомия. Тогда ему стали назначать, кроме келейного, ещё послушания по порядку: в хлебне, в просфорне, в столярне. В последней он был будильщиком и исполнял довольно долго это послушание.

Затем он исполнял пономарские обязанности. Вообще, юный Прохор, бодрый силами, проходил все монастырские послушания с великою ревностью, но, конечно, не избег многих искушений, как печали, скуки, уныния, которые действовали на него сильно.

Жизнь юного Прохора до пострижения в монашество ежедневно распределялась так: в определенные часы он был в церкви на богослужении и правилах. Подражая старцу Пахомию, он являлся как можно раньше на церковные молитвы, выстаивал неподвижно всё богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил прежде совершенного окончания службы. В часы молитвы всегда стоял на одном определённом месте. Для предохранения от развлечения и мечтательности, имея глаза опущенными долу, он с напряжённою внимательностью и благоговением слушал пение и чтение, сопровождая их молитвою. Прохор любил уединяться в своей келии, где у него, кроме молитвы, были занятия двух родов: чтение и телесный труд. Псалмы он читал и сидя, говоря, что утруждённому это позволительно, а св. Евангелие и послания Апостолов всегда стоя пред св. иконами, в молитвенном положении, и это называл бдением (бодрствованием). Постоянно он читал творения св. отцов, напр. Шестоднев св. Василия Великого, беседы св. Макария Великого, Лествицу преп. Иоанна, Добротолюбие и проч. В часы отдохновения он предавался телесному труду, вырезывал кресты из кипарисного дерева для благословения богомольцам. Когда Прохор проходил столярное послушание, то отличался большим усердием, искусством и успехами, так что в расписании он один из всех назван Прохором - столяром. Он также ходил на общие для всей братии труды: сплавлять лес, приготовлять дрова и т.п.

Видя примеры пустынножительства о. игумена Назария, иеромонаха Дорофея, схимонаха Марка, юный Прохор стремился духом к большему уединению и подвижничеству, а потому испросил благословение своего старца о. Иосифа оставлять монастырь в свободные часы и уходить в лес. Там он нашёл уединённое место, устроил сокровенную кущу и в ней совершенно один предавался богоразмышлению и молитве. Созерцание дивной природы возвышало его к Богу, и, по словам человека, бывшего впоследствии близким к старцу Серафиму, он здесь совершал правило, еже даде Ангел Господень Великому Пахомию, учредителю иноческого общежития. Это правило совершается в следующем порядке: Трисвятое и по Отче наш: Господи, помилуй, 12. Слава и ныне: приидите поклонимся - трижды. Псалом 50: Помилуй мя, Боже. Верую во единого Бога... Сто молитв: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного и по сём: Достойно есть и отпуст.

Это составляло одно моление, но таких молитв надлежало совершить по числу суточных часов, двенадцать днём и двенадцать ночью. С молитвою он соединял воздержание и пост: в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни недели принимал её только один раз.

В 1780 году Прохор тяжко заболел, и всё тело его распухло. Ни один врач не мог определить вида его болезни, но предполагали, что это сделалась водяная болезнь. Недуг длился в продолжение трёх лет, из которых не менее половины Прохор провёл в постели. Строитель о. Пахомий и старец о. Исаия попеременно ходили за ним и почти неотлучно находились при нём. Тут-то и

открылось, как все, и прежде других начальники, уважали, любили и жалели Прохора, бывшего тогда ещё простым послушником. Наконец, стали опасаться за жизнь больного, и о. Пахомий настоятельно предлагал пригласить врача или, по крайней мере, открыть кровь. Тогда смиренный Прохор позволил себе сказать игумену: "Я предал себя, отче святый, Истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством - причастием Св. Тайн". Старец Иосиф, по просьбе Прохора и собственному усердию, особо отслужил о здравии больного всенощное бдение и литургию. Прохор был исповедан и причащён. В скором времени он выздоровел, что весьма удивило всех. Никто не понимал, как мог он столь скоро оправиться, и только впоследствии о. Серафим открыл тайну некоторым: после причащения Св. Таин ему явилась Пресвятая Дева Мария, в несказанном свете, с Апостолами Иоанном Богословом и Петром и, обратясь к Иоанну лицем и указывая перстом на Прохора, Владычица сказала: "Этот Нашего рода!"

"Правую-то ручку, радость моя, - говорил о. Серафим церковнице Ксении,- положила мне на голову, а в левой-то ручке держала жезл; и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то, и сделалось углубление, матушка; вода-то вся в него и вытекла, и спасла Царица Небесная убогого Серафима; а рана пребольшая была, и до сих пор яма-то цела, матушка, погляди-ка, дай ручку!" - "И батюшка, бывало, сам возьмёт, да и вложит мою руку в яму,- прибавляла матушка Ксения,- и велика же она была у него, так вот весь кулак и взойдёт!" Много душевной пользы принесла Прохору эта болезнь: дух его окреп в вере, любви и надежде на Бога.

В период послушничества Прохора, при настоятеле о. Пахомии, предприняты были в Саровской пустыне многие нужные постройки. В числе их на месте келии, в которой болел Прохор, строилась больница для лечения недужных и успокоения престарелых, и при больнице церковь о двух этажах с престолами: в нижнем во имя свв. Зосимы и Савватия, чудотворцев Соловецких, в верхнем - во славу Преображения Спасителя. Прохор после болезни, молодой ещё послушник, был посылаем за сбором денег в разные места на сооружение церкви. Благодарный за своё исцеление и попечение начальства, он с охотою понёс трудный подвиг сборщика. Странствуя по ближайшим к Сарову городам, Прохор был и в Курске, на месте своей родины, но не застал уже матери своей в живых. Брат Алексей, со своей стороны, оказал Прохору немалую помощь для построения церкви. Вернувшись домой, Прохор, как искусный столяр, построил собственными руками престол из кипарисного дерева для нижней больничной церкви в честь преподобных Зосимы и Савватия.

В течение восьми лет юный Прохор был послушником. Наружный вид его к этому времени изменился: будучи высокого роста, около 2 арш. и 8-ми вершков, несмотря на строгое воздержание и подвиги, он имел полное, покрытое приятною белизною, лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и проницательные; густые брови и светло-русые волосы на голове. Лицо его окаймлялось густою, окладистою бородою, с которою на оконечностях рта соединялись длинные и густые усы. Он имел мужественное сложение, обладал большими физическими силами, увлекательным даром слова и счастливой памятью. Теперь он прошёл уже все степени монастырского искуса и был способен и готов принять монашеские обеты.

13-го августа 1786 года, с соизволения Св. Синода, о. Пахомий постриг послушника Прохора в сан инока. Восприемными отцами его при пострижении были о. Иосиф и о. Исаия. При посвящении ему было дано имя Серафима (пламенный). 27-го октября 1786 года монах Серафим, по ходатайству о. Пахомия, был посвящён преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона. Он вполне предался новому своему, поистине уже ангельскому, служению. Со дня возведения в сан иеродиакона он, храня чистоту души и тела, в течение пяти лет и 9-ти месяцев, почти беспрерывно находился в служении. Все ночи на воскресные и праздничные дни проводил в бодрствовании и молитве, неподвижно стоя до самой литургии. По окончании же каждой Божественной службы, оставаясь ещё надолго в храме, он, по обязанности священно-диакона, приводил в порядок утварь и заботился о чистоте Алтаря Господня. Господь, видя ревность и усердие к подвигам, даровал о. Серафиму силу и крепость, так что он не чувствовал утомления, не нуждался в отдыхе, часто забывал о пище и питье и, ложась спать, жалел, что человек, подобно Ангелам, не может беспрерывно служить Богу.

Строитель о. Пахомий теперь ещё более прежнего привязался сердцем к о. Серафиму и без него не совершал почти ни одной службы. Когда он выезжал по делам монастыря или для служения, один или с другими старцами, то часто брал с собою о. Серафима. Так, в 1789-м году, в первой половине июня месяца, о. Пахомий с казначеем о. Исаией и иеродиаконом о. Серафимом отправились по приглашению в село Леметь, находящееся в 6-ти верстах от нынешнего города Ардатова, Нижегородской губ., на похороны богатого благодетеля своего, помещика Александра Соловцева, и заехали по дороге в Дивеево навестить настоятельницу общины Агафию Семёновну Мельгунову, высокочтимую всеми старицу и также благодетельницу свою. Мать Александра была больна и, получив от Господа извещение о скорой кончине своей, просила отцов-подвижников, ради любви Христовой, особоровать её. О. Пахомий сперва предлагал отложить елеосвящение до возвращения их из Леметь, но святая старица повторила свою просьбу и сказала, что они её не застанут уже в живых на обратном пути. Великие старцы с любовью совершили над нею таинство елеосвящения. Затем, прощаясь с ними, мать Александра отдала о. Пахомию последнее, что имела и накопила за года подвижнической жизни в Дивеево. По свидетельству жившей с нею девицы Евдокии Мартыновой своему духовнику, протоиерею о. Василию Садовскому, матушка Агафья СемЈновна передала строителю о. Пахомию: мешочек золотом, мешочек серебром и два мешка меди, суммою в 40 тысяч, прося выдавать её сёстрам всё потребное в жизни, так как они сами не сумеют распорядиться. Матушка Александра умоляла о. Пахомия поминать её в Сарове за упокой, не оставлять и не покидать неопытных послушниц её, а также попещись в своё время об обители, обетованной ей Царицею Небесною. На это старец о. Пахомий ответил: "Матушка! Послужить по силе моей и по твоему завещанию Царице Небесной и попечением о твоих послушницах не отрекаюсь; также и молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благодеяний твоих не забудет, а в прочем не даю тебе слово, ибо я стар и слаб, но как же и браться за то, не зная, доживу ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим - духовность его тебе известна, и он молод - доживёт до этого; ему и поручи это великое дело".

Матушка Агафья Семёновна начала просить о. Серафима не оставлять её обители, как Царица Небесная Сама тогда наставить его на то изволит.

Старцы простились, уехали, а дивная старица Агафья Семёновна скончалась 13-го июня, в день св. мученицы Акилины. О. Пахомий с братией на обратном пути как раз поспел к погребению матушки Александры. Отслужив литургию и отпевание соборно, великие старцы похоронили первоначальницу Дивеевской общины против алтаря Казанской церкви. Весь день 13-го июня шёл такой проливной дождь, что ни на ком не осталось сухой нитки, но о. Серафим, по своему целомудрию, не остался даже обедать в женской обители и тотчас после погребения ушёл пешком в Саров.

Однажды в Великий Четверток, строитель о. Пахомий, не служивший никогда без о. Серафима, начал Божественную Литургию в 2 часа пополудни вечернею, и после малого выхода и паремий возгласил иеродиакон Серафим: "Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!", но, едва обратясь к народу, навёл на предстоящих орарём, возглашая: "и во веки веков" - как вдруг так изменился видом, что не мог ни сойти с места, ни проговорить слова. Все это заметили и поняли, что с ним Божие посещение. Два иеродиакона взяли его под руки, ввели в алтарь и оставили в стороне, где простоял он часа три, меняясь беспрерывно видом, и после, уже придя в себя, наедине поведал строителю и казначею своё видение: "Только что провозгласил я, убогий: Господи, спаси благочестивыя и услыши ны! и, наведя орарем на народ, окончил: и во веки веков! - вдруг меня озарил луч, как бы солнечного света; взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окружённого небесными силами, Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе; приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих; по сём, вступив во св. местный образ Свой, что по правую сторону царских врат, преобразился, окружаемый Ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом на всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце моё возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу!"

В 1793 году о. Серафиму исполнилось 34 года, и начальство, видя, что он по своим подвигам стал выше других братий и заслуживает преимущество пред многими, ходатайствовало о возведении его в сан иеромонаха. Так как в этом же году Саровская обитель, по новому расписанию, перешла из Владимирской епархии в Тамбовскую, то о. Серафима вызвали в Тамбов, и 2-го сентября епископ Феофил рукоположил его во иеромонаха. С получением высшей благодати священства о. Серафим стал подвизаться в духовной жизни с вящею ревностью и удвоенною любовью. В течение долгого времени он продолжал непрерывное служение, ежедневно приобщаясь с горячею любовью, верою и благоговением.

Сделавшись иеромонахом, о. Серафим возымел намерение совсем поселиться в пустыне, так как пустынническая жизнь была его призванием и назначением свыше. К тому же, от непрестанного келейного бдения, от постоянного стояния в церкви на ногах с небольшим отдыхом во время ночи, о. Серафим впал в недуг: у него распухли ноги, и на них открылись раны, так что некоторое время он лишился возможности священнодействовать. Болезнь эта была не малым побуждением к избранию пустыннической жизни, хотя для отдыха следовало ему просить у настоятеля о. Пахомия благословения удалиться в больничные келии, а не в пустыню, т.е. от меньших трудов - к большим и тягчайшим. Великий старец Пахомий благословил его. Это было последнее благословение, полученное о. Серафимом от мудрого,

добродетельного и почтенного старца, в виду болезни его и приближения смерти. О. Серафим, хорошо помня, как во время его болезни ходил за ним о. Пахомий, теперь сам служил ему с самоотвержением. Раз о. Серафим заметил, что к болезни о. Пахомия присоединилась ещё какая-то душевная забота и печаль.

- О чём, отче святый, так печалишься ты? - спросил его о. Серафим.
- Я скорблю о сёстрах Дивеевской общины, - ответил старец Пахомий, - кто их будет назирать после меня?

О. Серафим, желая успокоить старца в предсмертные минуты, обещался сам назирать их и поддерживать всё так же после смерти его, как было при нём. Это обещание успокоило и обрадовало отходящего ко Господу о. Пахомия. Он поцеловал о. Серафима и затем вскоре опочил мирным сном праведника. О. Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия и, с благословения нового настоятеля о. Исаии, также горячо любимого, удалился в пустынную келию (20-го ноября 1794-го года, в день прихода в Саровскую пустынь).

Несмотря на удаление о. Серафима в пустынку, народ стал беспокоить его там. Приходили и женщины.

Великий подвижник, начиная строгую пустынническую жизнь, считал для себя неудобным посещение женского пола, так как это могло соблазнить и монашествующих, и мирян, склонных к осуждению. Но, с другой стороны, лишить женщин назидания, ради которого они приходили к пустыннику, могло быть делом, неугодным Богу. Он стал просить Господа и Пресвятую Богородицу об исполнении его желания, и чтобы Всевышний, если это не противно Его воле, дал ему знамение на то преклонением ветвей вблизи стоявших дерев. В преданиях, записанных в своё время, есть сказание, что Господь Бог действительно дал ему знамение Своего изволения. Наступил праздник Рождества Христова; о. Серафим пришёл в монастырь к поздней обедне в храм Живоносного Источника и причастился Св. Христовых Таин. После обеда в своей монастырской келии он вернулся на ночь в пустыню. На следующий день, 26-го декабря, празднуемый по положению (Собор Пресвятой Богородицы), о. Серафим вернулся ночью в обитель. Проходя свой холм, где он опускается вниз долу, отчего гора и названа была о. Серафимом Афонскою, он увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья вековых сосен склонились и завалили дорожку; вечером ничего этого не было. О. Серафим упал на колени и поблагодарил Бога за данное, по молитве его, знамение. Теперь он знал, что Господу Богу угодно, дабы жёны не входили на его гору.

В продолжение всего подвижничества о. Серафим носил постоянно одну и ту же убогую одежду: белый полотняной балахон, кожаные рукавицы, кожаные бахилы - вроде чулок, поверх которых надевали лапти, и поношенную камилавку. На балахоне висел крест, тот самый, которым благословила его родная мать, отпуская из дома; а за плечами висела сумка, в которой он носил при себе св. Евангелие. Ношение креста и Евангелия имело, конечно, глубокий смысл. По подражанию древним святым, о. Серафим носил вериги на обоих плечах, и к ним были привешены кресты: одни спереди в 20 ф., другие сзади в 8 ф. каждый, и ещё железный пояс. И эту тяжесть старец носил во всё время своего пустынножительства. В морозы он накладывал на грудь чулок или тряпку, а в баню никогда не ходил. Видимые его подвиги состояли из молитвословий, чтения книг, телесных трудов, соблюдения правил великого Пахомия и т.д. В холодную пору он топил келию, колол и

рубил дрова, но иногда добровольно переносил холод и мороз. Летом он возделывал гряды на своем огороде и удабривал землю, собирал мох с болот. Во время подобной работы он ходил иногда без одежды, перепоясав лишь чресла свои, и насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, синело по местам и запекалось кровью. Старец добровольно терпел эти язвы Господа ради, руководствуясь примерами подвижников древнего времени. На грядах, удобрённых мхом, о. Серафим сажал семенами лук и другие овощи, которыми он питался летом. Телесный труд порождал в нём благодушное состояние, и о. Серафим работал с пением молитв, тропарей и канонов.

Провождая жизнь в уединении, трудах, чтении и молитве, о. Серафим соединял с этим пост и строжайшее воздержание. По началу своего поселения в пустыне он питался хлебом, более всего чёрствым и сухим; хлеб, обыкновенно, он брал с собою по воскресеньям на целую неделю. Есть сказание, что из этой недельной порции хлеба часть уделял он пустынным животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословия. Также он употреблял овощи, добываемые трудами рук его в пустынном огороде. С тем и устроен был огород сей, чтобы ему не обременить "ничим же" обители и, по примеру великого подвижника Ап. Павла, питаться, "делающе своими руками" (1 Кор. 4, 12). Впоследствии времени он приучил своё тело к такому воздержанию, что не стал вкушать хлеба насущного, а, по благословению настоятеля Исаии, питался одними овощами своего огорода. Это были картофель, свёкла, лук и трава, называемая снить. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения Святых Таин в субботу. Ещё через несколько времени воздержание и постничество о. Серафима дошли до неимоверной степени. Совсем переставши брать хлеб из обители, он жил без всякого содержания от неё в течение более двух лет с половиною. Братия, удивляясь, недоумевала, чем мог питаться старец во всё это время, не только летом, но и зимою. Он же тщательно укрывал свои подвиги от воззрения людей.

По будням, спасаясь в пустыне, о. Серафим накануне праздников и дней воскресных являлся в обитель, слушал вечерню, всенощное бдение и за раннею литургиею в больничной церкви святых Зосимы и Савватия причащался Святых Христовых Таин. Затем, до вечерни, он принимал в монастырской келии приходивших к нему, по нуждам духовным, из монастырской братии. Во время вечерни, когда братия оставляла его, он, взяв с собою хлеба на неделю, удалялся в свою пустыню. Всю первую неделю Великого поста он проводил в обители. В эти дни он говел, исповедывался и причащался Св. Таин. Духовником его с давнего времени был строитель - старец Исаия.

Так проводил старец дни свои в пустыне. Другие пустынножители имели при себе по одному ученику, которые и служили им. О. Серафим жил в совершенном одиночестве. Некоторые из Саровской братии пытались сожительствовать с о. Серафимом и были приняты им; но ни один из них не мог вынести трудностей пустыннического жития: ни в ком не нашлось столько нравственной крепости, чтобы явиться в качестве ученика подражателем подвигов о. Серафима. Благочестивые попытки их, принося пользу душе, не увенчались успехом; и те, которые поселялись было с о. Серафимом, возвращались опять в обитель. Посему, хотя после кончины о. Серафима нашлись некоторые люди, дерзновенно объявлявшие себя его учениками, но при его жизни они, в строгом смысле, учениками не были, и название "Серафимов ученик" в то время не существовало. "В пребывание его в

пустыне,- говорили тогдашние Саровские старцы, - вся братия была его учениками".

Также многие из Саровской братии временно приходили к нему в пустыню. Одни просто посещали его, а другие являлись по нужде в советах и наставлениях. Старец хорошо различал людей. От некоторых он удалялся, желая сохранить молчание, а имеющим нужды до него не отказывал в духовной пище, с любовью руководствуя их к истине, добродетели и благоустроению жизни. Из постоянных посетителей о. Серафима известны: схимонах Марк и иеродиакон Александр, также спасавшиеся в пустыне. Первый бывал у него два раза в месяц, а последний - однажды. О. Серафим охотно беседовал с ними о разных душеспасительных предметах.

Видя столь искреннее, усердное и, поистине, высокое подвижничество старца о. Серафима, диавол, исконный враг всякого добра, вооружился против него разными искушениями. По своей хитрости, начиная с легчайших, он сперва наводил на подвижника разные "страхования". Так, по сказанию одного почтенного летами иеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы он услышал вдруг за стенами келии вой зверя; потом, точно скопище народа, начали ломать дверь келии, выбили у двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж (отрубок) дерева, который восемью человеками с трудом был вынесен из келии. В другие разы и днём, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему видимо вдруг представлялось, что келия его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с диким и яростным рёвом и криком. Иногда вдруг являлся пред ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшие нападения. Так, он, по Божию попущению, поднимал тело его на воздух и оттуда с такою силою ударял об пол, что, если бы не Ангел-Хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. Но и этим не одолел старца. Вероятно, при искушениях, он духовным оком своим, проникавшим в горний мир, видел самих злых духов. Может быть, духи злобы и сами видимо в телесных образах являлись ему, как и другим подвижникам.

Духовное начальство знало о. Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца аввою, настоятелем где-нибудь в обители. Открылось место архимандрита в городе Алатыре. О. Серафима предназначили было туда настоятелем монастыря с возведением в сан архимандрита. В прошлом и в текущем столетиях Саровская пустынь не раз давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители. Но старец Серафим убедительнейше просил тогдашнего Саровского настоятеля Исаию отклонить от него это назначение. Строителю Исаии и братии Саровской жаль было отпустить от себя старца Серафима, усердного молитвенника и мудрого наставника. Желания обеих сторон сошлись вместе: все стали просить другого иеромонаха из Сарова же, старца Авраамия, принять на себя звание архимандрита в Алатырский монастырь, и брат, единственно из повиновения, принял на себя это звание.

Во всех искушениях и нападениях на о. Серафима диавол имел целью удалить его из пустыни. Однако же все усилия врага остались безуспешны: он был побеждён, отступил со стыдом от своего победителя, но в покое его не оставил. Изыскивая новые меры к удалению старца из пустыни, злой дух начал воевать против него через злых людей. 12-го сентября 1804 года подошли к старцу три неизвестных ему человека, одетые по-крестьянски. Отец Серафим в это время рубил дрова в лесу. Крестьяне, нагло приступив к нему,

требовали денег, говоря, что "к тебе ходят мирские люди и деньги носят". Старец сказал: "Я ни от кого ничего не беру". Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости злодеи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения. О. Серафим имел большую физическую силу и, вооружённый топором, мог бы не без надежды обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно в его уме. Но он вспомнил при сём слова спасителя: "Вси бо приемши нож ножем погибнут" (Мф. 26, 52), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал, кротко сложивши крестообразно руки на груди: "Делайте, что вам надобно". Он решился претерпеть всё безвинно, Господа ради.

Тогда один из крестьян, поднявши с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старец упал на землю и пришёл в беспамятство. Злодеи тащили его к сеням келии, по дороге яростно продолжая бить, как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами, даже поговаривали о том, не бросить ли старца в реку?.. А как увидели, что он уже был точно мёртвый, то верёвками связали ему руки и ноги и, положив в сенях, сами бросились в келию, воображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро всё перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали-искали и ничего для себя не нашли; видели только у него св. икону, да попалось несколько картофеля. Тогда совесть сильно заговорила у злодеев, в сердце их пробудилось раскаяние, что напрасно, без всякой пользы даже для себя, избили благочестивого человека; какой-то страх напал на них, и они в ужасе убежали.

Между тем, о. Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя, поблагодарил Господа, что сподобился ради Его понести раны безвинно, помолился, чтобы Бог простил убийц и, проведши ночь в келии в страданиях, на другой день с большим трудом, однако же сам, пришёл в обитель во время самой литургии. Вид его был ужасен! Волосы на бороде и голове были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и сором; лице и руки избиты; вышиблено несколько зубов; уши и уста запеклись кровью; одежда измятая, окровавленная, засохла и по местам пристала к ранам. Братия, увидев его в таком положении, ужаснулась и спрашивала: что с ним такое случилось? Ни слова не отвечая, о. Серафим просил пригласить к себе настоятеля о. Исаию и монастырского духовника, которым в подробности и рассказал всё случившееся. И настоятель, и братия глубоко опечалены были страданиями старца. Таким несчастием о. Серафим вынужден был остаться в монастыре для поправления здоровья. Диавол, воздвигший злодеев, по-видимому, торжествовал теперь победу над старцем, воображая, что навсегда изгнал его из пустыни.

Первые восемь суток были для больного очень тяжки: не принимая ни пищи, ни воды, он не имел и сна от нестерпимой боли. В монастыре не надеялись, чтобы он пережил свои страдания. Настоятель, старец Исаия, на седьмой день болезни, не видя перелома к лучшему, послал в Арзамас за врачами. Освидетельствовавши старца, врачи нашли болезнь его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, рёбра перебиты, грудь оттоптана, всё тело по разным местам покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев. По старинной методе лечения врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял её от ран, не соглашался на эту меру, но, по настоятельному убеждению консилиума врачей, решился

предложить о том о. Серафиму. Консилиум опять собрался в келии о. Серафима. Он состоял из трёх врачей; с ними было три подлекаря. В ожидании настоятеля, они опять осмотрели больного, долго на латинском языке рассуждали между собою и положили: пустить кровь, обмыть больного, к ранам приложить пластырь, а в некоторых местах употребить спирт. Согласились также насчёт того, что помощь необходимо подать как можно скорее. О. Серафим с глубокою признательностью в сердце примечал их внимательность и попечение о себе.

Когда всё это происходило, кто-то вдруг крикнул: "Отец настоятель идёт, идёт отец настоятель!" В эту минуту о. Серафим уснул; сон его был краткий, тонкий и приятный. Во сне увидел он дивное видение: подходит к нему с правой стороны постели Пресвятая Богородица в царской порфире, окружённая славою. За Нею следовали свв. Апостолы Пётр и Иоанн Богослов. Остановясь у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показала на больного и, обратясь Пречистым Ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла: "Что вы трудитесь?" Потом опять, обратясь лицом к старцу, сказала: "Сей от рода Нашего" - и кончилось видение, которого присутствующие не подозревали.

Когда вошёл настоятель, больной опять пришёл в сознание. Отец Исаия с чувством глубокой любви и участия предложил ему воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, после стольких забот о нём, при отчаянном состоянии здоровья своего, к удивлению всех, отвечал, что он не желает теперь пособия от людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресвятой Богородице, Истинным и Верным Врачам душ и телес. Нечего было делать, оставили старца в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры. Он же от дивного посещения исполнился неизречённой радости, и сия радость небесная продолжалась часа четыре. Потом старец успокоился, вошёл в обыкновенное состояние, почувствовав облегчение от болезни; сила и крепость стали возвращаться к нему; встал он с постели, начал немного ходить по келии и вечером, в девятом часу, подкрепился пищею, вкусил немного хлеба и белой квашеной капусты. С того же дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Ещё в прежнее время о. Серафим, занимаясь однажды работами в лесу, при порубе дерева был придавлен им и от этого обстоятельства потерял свою природную прямоту и стройность, сделался согбенным. После нападения разбойников от побоев, ран и болезни согбенность ещё больше увеличилась. С этого времени он начал ходить, подкрепляясь топориком, мотыкою или палкою. Так, эта согбенность, это уязвление в пяту, служили всю жизнь венцом победы великого подвижника над диаволом.

Со дня болезни старец Серафим провёл в монастыре, не видя своей пустыни, около пяти месяцев. Когда здоровье возвратилось к нему, когда он почувствовал себя опять крепким к прохождению пустыннической жизни, то просил настоятеля Исаию снова отпустить его из монастыря в пустынь. Настоятель же, по внушению братии и сам, искренне жалея старца, упрашивал было его остаться навсегда в монастыре, представляя возможным повторение подобных крайне несчастных случаев. Отец Серафим отвечал, что ни во что вменяет такие нападения и готов, подражая свв. мученикам, страдавшим за имя Господне, даже до смерти перенести всякие оскорбления, какие бы ни случились. Уступая христианской неустрашимости духа и любви к пустынножительству, о. Исаия благословил желание старца, и старец Серафим снова возвратился в свою пустынную келию.

С новым поселением старца в пустыне диавол претерпел совершеннейшее поражение. Крестьяне, избившие старца, были найдены; они оказались крепостными людьми помещика Татищева, Ардатовского уезда, из села Кременок. Но о. Серафим не только простил их самих, но и упрашивал настоятеля обители не взыскивать с них, а затем такую же просьбу написал помещику. Все были до такой степени возмущены поступком этих крестьян, что казалось невозможным простить их, а о. Серафим настаивал на своём: "В противном случае,- говорил старец,- я оставлю Саровскую обитель и удалюсь в другое место". Строителю же, о. Исаии, своему духовнику, он говорил, что лучше его удалили бы из обители, нежели нанесли крестьянам какое-либо наказание. О. Серафим представил отомщение Господу Богу. Гнев Божий действительно настиг этих крестьян: в непродолжительном времени пожар истребил жилища их. Тогда они пришли сами просить у о. Серафима, со слезами раскаяния, прощения и святых его молитв.

Старец о. Исаия очень почитал и любил о. Серафима, а также дорожил его беседами; поэтому он, когда был свеж, бодр и наслаждался здоровьем, нередко сам ходил в пустынь к о. Серафиму. В 1806 году Исаия, по старости лет и от трудов, понесённых для спасения себя и братии, сделался особенно слаб здоровьем и, по собственному прошению, уволился от обязанности и звания настоятеля. Жребий занять его место в обители, по общему желанию братии, пал на о. Серафима. Вот уже второй раз старец избирается на начальственные должности по монастырям, но и на этот раз, по своему смирению и из крайней любви к пустыне, он отказался от предлагаемой почести. Тогда голосом всей братии настоятелем избран был старец Нифонт, исполнявший до того времени послушание казначея.

Старец о. Серафим после смерти строителя Исаии не изменил прежнего рода жизни и остался жить в пустынке. Он только принял на себя ещё больший труд, а именно, молчальничество. К посетителям он более не выходил. Если ему самому случалось неожиданно встретить кого в лесу, старец падал ниц лицом и до тех пор не поднимал глаз, пока встретившийся не проходил мимо. Таким образом он безмолвствовал в продолжение трёх лет и некоторое время перестал посещать обитель по воскресным и праздничным дням. Один из послушников носил ему и пищу в пустынь, особенно в зимнее время, когда у о. Серафима не было своих овощей. Пища приносилась однажды в неделю, в день воскресный. Трудно было назначенному иноку совершать это послушание в зимнее время, так как в пустынку о. Серафима дороги не было. Бывало, бредёт он во время вьюги по снегу, утопая в нём по колена, с недельным запасом в руках для старца-молчальника. Вошедши в сени, он произносил молитву, а старец, сказавши про себя: "Аминь", отворял дверь из келии в сени. Сложив руки на груди крестообразно, он становился у двери, потупив лицо долу, на землю; сам ни благословит брата, ни даже взглянет на него. А пришедший брат, помолившись, по обычаю, и поклонившись старцу в ноги, полагал пищу на лоточек, лежавший на столе в сенях. Со своей стороны, старец клал на лоточек же или малую частицу хлеба, или немного капусты. Пришедший брат внимательно замечал это. Этими знаками старец безмолвно давал знать, чего принести ему в будущее воскресение: хлеба или капусты. И опять пришедший брат, сотворив молитву, кланялся старцу в ноги и, испросив молитв его о себе, возвращался в обитель, не услыхав от о. Серафима ни единого слова. Всё это были только видимые, наружные знамения молчальничества. Сущность же подвига состояла не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего посвящения себя Господу.

Молчальничество о. Серафим соединил ещё со стоянием на камне. В глухом лесу, на половине пути от келии к монастырю, лежал необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнив о трудном подвиге свв. столпников, о. Серафим решился принять участие в подвижничестве сего рода. Для сего он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в ночное время на этот камень для усиления молитвенного подвига. Молился он, обыкновенно, или на ногах, или стоя на коленях, с воздетыми вверх, подобно св. Пахомию, руками, взывая мытаревым гласом: "Боже, милостив буди ми грешному". Чтобы уравнять ночные подвиги дневным, о. Серафим и в келии имел камень. На нём он молился во время дня, с утра до вечера, оставляя камень только для отдохновения от изнеможения сил и для подкрепления себя пищею. Такого рода молитвенный подвиг он нёс, по временам, в течение тысячи суток.

От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига, тело его очень заметно изменилось, в ногах возобновилась болезнь, которая с этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отец Серафим понял, что продолжение таких подвигов привело бы к изнурению сил духа и тела, и оставил моление на камнях. Подвиги сии он проходил в такой тайне, что ни одна душа человеческая не ведала о них и не догадывалась. К бывшему после Исаии игумену Нифонту был тайный запрос об о. Серафиме от епископа Тамбовского. В бумагах обители сохранился черновой отзыв Нифонта, в котором настоятель отвечал: "О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне, никому не было известно". При кончине дней своих, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобию других подвижников, в числе прочих явлений своей жизни, он, в назидание слушателям, рассказал и о сём подвиге некоторым из братии.

ОТЕЦ Серафим, со времени смерти старца Исаии, наложив на себя труд молчания, жил в пустыне своей безвыходно, точно как в затворе. Прежде он хаживал по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться Св. Таин. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги; ходить он не мог. Было неизвестно, кто его причащает Св. Таин, хотя ни на минуту не сомневались, что он без вкушения Тела и Крови Христовой не оставался. Строитель созвал монастырский собор из старших иеромонахов и вопрос о причащении о. Серафима предложил на рассуждение. Решили же дело так: предложить о. Серафиму, чтобы он или ходил, буде здоров и крепок ногами, по-прежнему, в обитель по воскресным и праздничным дням для причащения Св. Таин, или же, если ноги не служат, перешёл бы навсегда жить в монастырскую келию. Общим советом присудили спросить через брата, носившего пищу по воскресеньям, что изберёт о. Серафим? Брат, в первый же приход к старцу, исполнил решение Саровского собора, но о. Серафим, выслушав безмолвно предложение собора, отпустил брата, не сказав ни слова. Брат, как дело было, передал строителю, а строитель велел ему повторить соборное предложение в следующее воскресенье. Принёсши пищу на будущую неделю, брат повторил предложение. Тогда старец Серафим, благословив брата, вместе же с ним отправился пешком в обитель.

Приняв второе предложение собора, старец показал, что он не в силах был, по болезни, ходить, как прежде, по воскресным и праздничным дням в обитель. Это было весною 8 мая 1810 года. Вступив в монастырские врата, после 15-ти летнего пребывания в пустыне, о. Серафим, не заходя в свою келию, отправился прямо в больницу. Это было днём, до наступления всенощной службы. Когда ударили в колокол, о. Серафим явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. Братия удивилась, когда

мгновенно разнёсся слух, что старец решился жительствовать в обители. Но удивление их возросло ещё более, когда произошли следующие обстоятельства: на другой день, 9-го мая, в день Святителя и Чудотворца Николая, о. Серафим пришёл, по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился Св. Христовых Таин. По выходе же из церкви, он направил стопы свои в келию строителя Нифонта и, принявши от него благословение, водворился в прежней своей монастырской келии; к себе никого не принимал, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, то есть он принял на себя новый труднейший подвиг затворничества.

О подвигах о. Серафима в затворе известно ещё менее, чем о его пустынножительстве. В келии своей он не хотел иметь, для отсечения своеволия, ничего, даже самых необходимых вещей. Икона, пред которой горела лампада, и отрубок пня, служивший взамен стула, составляли всё. Для себя же он не употреблял даже огня.

В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался Св. Тела и Крови Христовой. Для сохранения во всей чистоте затвора и молчальничества, Пренебесные Тайны, по благословению строителя Нифонта, приносили ему из больничной церкви в келию после ранней литургии.

Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его пред собою, о. Серафим изготовил себе гроб из цельного дуба и поставил его в сенях затворнической келии. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. О. Серафим в беседах с Саровскими братиями часто говорил насчёт этого гроба: "Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моём гробе".

Старец провёл в затворе около пяти лет, потом несколько ослабил внешний вид его. Келейная дверь у него была открыта, всякий мог придти к нему, видеть его; старец не стеснялся присутствием других в своих духовных занятиях. Некоторые, вступив в келию, предлагали разные вопросы, имея нужду в советах и наставлениях старца; но, принявши на себя обет молчания пред Богом, старец на вопросы не давал ответов, продолжая обычные занятия.

В 1815 году Господь, по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей, повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставя себе в пример Великого Илариона, он стал принимать всех без исключения, беседуя и поучая спасению. Маленькая келия его освещалась всегда одной только лампадой и возжжёнными у икон свечами. Она не отапливалась никогда печкой, имела два маленьких оконца и была всегда завалена мешками с песком и каменьями, служившими ему вместо постели; обрубок дерева употреблялся вместо стула, и в сенях дубовый гроб, изготовленный его же руками. Келия растворялась для всех братий монастыря во всякое время, для сторонних - после ранней обедни до 8 ч. вечера.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Приходящих старец принимал так: он одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию; на шее имел епитрахиль и на руках поручи. Епитрахиль и поручи он носил на себе не всегда при приёме посетителей, а в те лишь дни, когда причащался Св. Таин, следовательно, по воскресным и праздничным дням. В ком видел он искреннее раскаяние во грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними он, заставив их наклонить голову, возлагал на неё конец епитрахили и правую руку свою, предлагая

произносить за собою следующую покаянную молитву: "Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением". Сам затем произносил молитву разрешения от грехов. По окончании такого действа он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от св. иконы и, если это было ранее полудня, следовательно, до принятия пищи, давал вкушать из чаши "великой агиасмы", т. е. Св. Богоявленской воды, благословлял частицею антидора, либо св. хлеба, освящаемого на всенощном богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: "Христос Воскресе!" и давал прикладываться к образу Божией Матери или ко кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатным особам, он советовал зайти в храм помолиться Матери Божией пред св. иконою Её Успения или Живоносного Источника.

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал обще-христианское назидание. В особенности, он советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. "В этом да будет,- говорил он,- всё твоё внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сиё непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием таким образом имени Божия ты найдёшь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной и вселится в тебя Св. Дух, Источник всех благ, и управит Он тебя во святыне, во всяком благочестии и чистоте".

Многие, приходя к о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие - по недосугу. О. Серафим завещал таким людям следующее молитвенное правило: "Вставши от сна, всякий христианин, став пред св. иконами, пусть прочитает молитву Господню: Отче наш - трижды; в честь Пресв. Троицы, потом песнь Богородице: Богородице Дево, радуйся - также трижды и, наконец, Символ веры: Верую во единаго Бога - единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго или грешную; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: Господи, помилуй и продолжай до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершает вышепоказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя своё дело, всякий христианин пусть читает также тихо: Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго, и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешнаго или грешную.

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило, т. е. трижды Отче наш, трижды Богородице и однажды Символ веры. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением".

Однажды прибежал в обитель простой крестьянин с шапкою в руке, с растрёпанными волосами, спрашивая в отчаянии у первого встречного инока: "Батюшка! Ты, что ли, о. Серафим?" Ему указали о. Серафима. Бросившись туда, он упал к нему в ноги и убедительно говорил: "Батюшка! У меня украли лошадь, и я теперь без неё совсем нищий; не знаю, чем кормить буду семью.

А, говорят, ты угадываешь!" О. Серафим, ласково взяв его за голову и приложив к своей, сказал: "Огради себя молчанием и поспеши в такое-то (он назвал его) село. Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома: там ты увидишь калиточку; войди в неё, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча". Крестьянин тотчас с верою и радостью побежал обратно, нигде не останавливаясь. После в Сарове был слух, что он действительно отыскал лошадь в показанном месте.

Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, в родовом своём имении, селе Нуча, жили сироты, брат с сестрою, дворяне-помещики Михаил Васильевич и Елена Васильевна Мантуровы. Михаил Васильевич много лет служил в Лифляндии в военной службе и женился там на Лифляндской уроженке Анне Михайловне Эрнц, но затем так сильно заболел, что принуждён был оставить службу и переехать на жительство в своё имение, село Нуча. Елена Васильевна, гораздо моложе своего брата по годам, была весёлого характера и мечтала только о светской жизни и скорейшем замужестве.

Болезнь Михаила Васильевича Мантурова имела решающее влияние на всю жизнь его, и самые лучшие доктора затруднялись определить её причину и свойства. Таким образом, всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна, и оставалось обратиться за исцелением к Господу и Его святой Церкви. Молва о святой жизни батюшки о. Серафима, обежавшая уже всю Россию, конечно, достигла и села Нучи, лежавшего всего в 40 верстах от Сарова. Когда болезнь приняла угрожающие размеры, так что у Михаила Васильевича выпадали кусочки кости из ног, он решился ехать, по совету близких и знакомых, в Саров к о. Серафиму. С большим трудом он был приведён крепостными людьми своими в сени келии старца-затворника. Когда Михаил Васильевич, по обычаю, сотворил молитву, батюшка о. Серафим вышел и милостиво спросил его: "Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима?" Мантуров упал ему в ноги и стал слёзно просить старца исцелить его от ужасного недуга. Тогда с живейшим участием и отеческою любовью трижды спросил его о. Серафим: "Веруешь ли ты Богу?" И, получив также трижды в ответ самое искреннее, сильное, горячее уверение в безусловной вере в Бога, великий старец сказал ему: "Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему всё возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь". Затем о. Серафим посадил Михаила Васильевича близ гроба, стоявшего в сенях, а сам удалился в келию, откуда спустя немного времени вышел, неся с собою святого елея. Он приказал Мантурову раздеться, обнажить ноги, и, приготовившись потереть их принесённым святым елеем, произнёс: "По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую!" О. Серафим помазал ноги Михаилу Васильевичу и надел на них чулки из посконного холста. После того старец вынес из келии большое количество сухарей, всыпал ему их в фалды сюртука и приказал так и идти с ношею в монастырскую гостиницу. Михаил Васильевич вначале исполнил приказание батюшки не без страха, но затем, удостоверившись в совершённом с ним чуде, пришёл в невыразимую радость и какой-то благоговейный ужас. Несколько минут тому назад он не был в состоянии взойти в сени к о. Серафиму без посторонней помощи, а тут вдруг, по слову святого старца, нёс уже целую груду сухарей, чувствуя себя совершенно здоровым, крепким и как бы никогда не болевшим. В радости, он бросился в ноги о. Серафиму, лобызая их и благодаря за исцеление, но великий старец приподнял Михаила Васильевича и строго сказал: "Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты,

батюшка! Это дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу Всемогущему, да Пречистой Его Матери даждь благодарение!" Затем о. Серафим отпустил Мантурова.

Прошло некоторое время. Вдруг Михаил Васильевич с ужасом вспомнил про прошедшую болезнь свою, которую он уже начал совершенно забывать, и решил ещё раз съездить к о. Серафиму, принять его благословение. Дорогою Мантуров размышлял: ведь должен же я, как сказал батюшка, поблагодарить Господа... И только он приехал в Саров и вошёл к о. Серафиму, как великий старец встретил его словами: "Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!" Удивясь прозорливости старца, Михаил Васильевич ответил: "Я не знаю, батюшка, чем и как; что же вы прикажете?!" Тогда о. Серафим, взглянув на него особенным образом, весело сказал: "Вот, радость моя, всё, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!" Смутился Мантуров; тысяча мыслей пробежали у него в голове в один миг, ибо он никак не ожидал такого предложения со стороны великого старца. Ему вспомнился евангельский юноша, которому Христос предложил также добровольную нищету для совершенного пути в Царство Небесное... Ему вспомнилось, что он не один, имеет молодую жену и что, отдав всё, нечем будет жить... Но прозорливый старец, уразумев мысли его, продолжал: "Оставь всё и не пекись о том, о чём ты думаешь; Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей; богат не будешь, хлеб же насущный всё будешь иметь". Горячий, впечатлительный, любящий и готовый, по чистоте своей души, исполнить каждую мысль, каждое требование столь великого и святого старца, которого он видел всего второй раз, но любил уже, без сомнения, больше всего на свете, Михаил Васильевич тотчас ответил: "Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?" Но великий мудрый старец, желая испытать пылкого Михаила Васильевича, ответил: "А вот, радость моя, помолимся, и я укажу тебе, как вразумит меня Бог!" После этого они расстались, как будущие друзья и самые верные слуги Дивеевской обители, избранной Царицею Небесною Себе в земной жребий.

По благословению батюшки о. Серафима, Михаил Васильевич Мантуров продал своё имение, отпустил на свободу крепостных людей своих и, сохранив до времени деньги, купил только в Дивеево 15 десятин земли на указанном ему о. Серафимом месте, со строжайшею заповедью: хранить эту землю, никогда не продавать, никому не отдавать её и завещать после смерти своей Серафимовой обители. На этой земле Михаил Васильевич поселился с женою и стал терпеть недостатки. Он претерпевал множество насмешек от знакомых и друзей, а также упрёков от своей жены Анны Михайловны, лютеранки, вовсе не подготовленной к духовным подвигам молодой женщины, не терпящей бедности, весьма нетерпеливого и горячего характера, хотя, в общем, хорошей и честной особы. Всю жизнь свою чудесный Михаил Васильевич Мантуров, истинный ученик Христов, терпел унижения за свой евангельский поступок. Но он переносил всё безропотно, молча, терпеливо, смиренно, кротко, с благодушием, по любви и необычайной вере своей к святому старцу, во всем беспрекословно его слушаясь, не делая шага без его благословения, как бы предав всего себя и всю жизнь свою в руки о. Серафима. Неудивительно, что Михаил Васильевич стал наивернейшим учеником о. Серафима и наиближайшим, любимейшим его другом. Батюшка о. Серафим, говоря о нём с кем бы то ни было, не иначе называл его, как "Мишенька", и всё, касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному, вследствие чего

все знали это и свято чтили Мантурова, повинуясь ему во всем беспрекословно, как бы распорядителю самого батюшки.

О. Серафим после исцеления М. В. Мантурова начал принимать других посетителей и, верный обещанию, данному о. Пахомию, не забывал Дивеевской общины. Он посылал некоторых послушниц к начальнице Ксении Михайловне и, ежедневно молясь о них, получал откровения о будущем этой общины.

Принимая посетителей к себе в монастырскую келию в течение 15 лет, о. Серафим всё-таки не оставил затвора и никуда не выходил. Но в 1825 году он начал просить Господа о благословении его на окончание затвора.

25-го ноября 1825 года, на день памяти святителя Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, в сонном видении, Матерь Божия в сопровождении этих святых явилась о. Серафиму и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь.

Как известно, с 1825 года к о. Серафиму начали ходить за благословением сперва сёстры, а потом и сама добродетельная начальница Дивеевской общины, Ксения Михайловна, которую батюшка называл: "огненный столб от земли до неба" и "терпуг духовный". Конечно, старица Ксения Михайловна глубоко уважала и высоко почитала о. Серафима, но, однако, она не согласилась изменить устав своей общины, который казался тяжёлым, как о. Серафиму, так и всем спасавшимся в общине сёстрам. Число сестёр настолько увеличилось в общинке, что требовалось распространить их владения; но это было невозможно ни в ту, ни в другую сторону. Батюшка о. Серафим, призвав к себе Ксению Михайловну, стал уговаривать её заменить тяжёлый Саровский устав более лёгким, но она и слышать не хотела. "Послушайся меня, радость моя!" - говорил о. Серафим - но непоколебимая старица, наконец, ответила ему: "Нет, батюшка, пусть будет по-старому, нас уже устроил отец строитель Пахомий!" Тогда о. Серафим отпустил начальницу Дивеевской общинки, успокоенный, что заповеданное ему великой старицею матерью Александрою более не лежит на его совести, или же, что не пришёл тому ещё час воли Божией. Временно о. Серафим не входил в дела общинки, и только по дару предведения посылал избранных Божиею Материю сестёр на жительство в Дивеево, говоря: "Гряди, чадо, в общинку, здесь, поблизости, матушки-то полковницы Агафии Семёновны Мельгуновой, к великой рабе Божией и столпу, матушке Ксении Михайловне - она всему тебя научит!"

В записках Н. А. Мотовилова об основании мельничной обители о. Серафима говорится:

"Когда 1825-го года, 25-го ноября, на день святых угодников Божиих Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, как то сам батюшка Серафим лично мне, а также и многим, постоянно говаривал, пробираясь, по обычаю, сквозь чащи леса по берегу реки Саровки к своей дальней пустынке, увидал он ниже того места, где был некогда Богословский колодезь, и почти близ берега реки Саровки, Божию Матерь, явившуюся ему тут (где ныне колодезь его, и где тогда была лишь трясина), а дальше и позади Её на пригорке двух Апостолов: Петра Верховного и Апостола Евангелиста Иоанна Богослова. И Божия Матерь, ударив жезлом землю так, что искипел из земли источник фонтаном светлой воды, сказала ему: "Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафии - монахини Александры? Ксению с сёстрами её оставь, а заповедь сей рабы Моей не только не оставляй, но и потщись вполне исполнить её, ибо по воле Моей она дала тебе оную. А Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве, и на нём устрой эту обетованную Мною обитель Мою. А в память обетования, ей данного Мною, возьми с места кончины её из

общины Ксении восемь сестёр". И сказала ему по именам, которых именно взять, а место указала на востоке, на задах села Дивеева, против алтаря церкви Казанского явления Своего, устроенного монахинею Александрою. И указала, как обнести это место канавою и валом; и с сих восьми сестёр повелела ему начать обитель сию, Её четвёртого вселенского жребия на земле, для которой приказала сначала из Саровского леса ему срубить двухпоставную ветряную мельницу и келии первые, а потом, по времени, соорудить в честь Рождества Её и Сына Её Единородного двухпрестольную церковь для сей обители, приложив оную к паперти церкви Казанского явления Своего Дивеевской монахине Александре. И Сама дала ему для сей обители устав новый и нигде до того времени ни в какой обители ещё не существовавший. И за непременное правило поставила заповедь, чтобы в сию обитель не дерзала быть принимаема ни одна вдовица, а принимал бы и он, и потом бы всегда принимались бы лишь одни девицы, на приём которых Сама Она изъявит своё благоволение; и обещалась Сама быть всегдашнею Игумениею сей обители Своей, изливая не неё все милости Свои и всех благодатей Божиих, благословения со всех Своих трех прежних жребиев: Иверии, Афона и Киева. Место же, где стояли Пречистые стопы Ног Её и где от ударения жезлом Её искипел источник и принял целебность на память будущих родов выкопаньем тут колодца, обещала дать водам оного большее благословение Своё, чем некогда имели воды Вифезды Иерусалимской".

Ныне на месте явления Божией Матери отцу Серафиму 25 ноября 1825 г. устроен колодезь, отличающийся чудотворною силою, и ниже, вблизи его, существует прежний Богословский колодезь. Летом 1826 года, по желанию старца, Богословский родник был возобновлён. Накат, закрывавший бассейн, снят; сделан новый сруб с трубою для истока воды. Около бассейна старец стал теперь заниматься телесными трудами. Собирая в реке Саровке камешки, он выкидывал их на берег и ими унизывал бассейн родника. Устроил здесь для себя гряды, удабривал их мхом, садил лук и картофель. Старец избрал себе это место, потому что, по болезни, не мог ходить в прежнюю свою келию за шесть вёрст от монастыря. Даже затруднительно становилось ему, после утренних трудов на ногах, посещать для отдохновения в полуденное время келию о. Дорофея, которая стояла от родника всего на четверть версты. Для о. Серафима устроен был на берегу горы, подле родника, новый небольшой сруб, вышиною в три аршина, длиною в три и шириною в два. Сверху его накрывал скат на одну сторону. Не было в нём ни окон, ни двери. Вход же в этот срубец был открыт земляной со стороны горы, под стенкой. Подлезши под стенку, старец отдыхал в этом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя. Потом, в 1827 году, здесь же, на горке около родника, ему поставили новую келию с дверями, но без окон; внутри её была печь, совне сколочены сенцы из досок. В течение 1825 - 1826 годов старец ежедневно хаживал к этому месту. А когда устроили ему келию, он начал уже постоянно проводить все дни здесь, в пустыне; вечером возвращался в обитель. Идя в обитель и из обители в обыкновенном белом, ветхом холщовом балахоне, в убогой камилавке, с топором или мотыкою в руках, он носил за плечами суму, грузно наполненную камнями и песком, в которой лежало и св. Евангелие. Некоторые спрашивали: "Для чего он это делает?" Он отвечал словами св. Ефрема Сирина: "Я томлю томящаго мя". Место это известно с тех пор под именем ближней пустыни о. Серафима, а родник стали называть колодцем о. Серафима.

Со времени построения новой келии, в 1827 году, деятельность и труды о. Серафима разделились между обителью и ближнею пустынкою. В монастыре

он оставался по воскресным и праздничным дням, причащаясь за раннею литургиею; в будни же он почти ежедневно ходил в лес в ближнюю пустынь. В монастыре он проводил ночи. Число посетителей его весьма увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, жаждая увидеть его, принять благословение и услышать слово назидания. Другие приходили к нему в пустынную келию. Старец почти не имел покоя ни в пустыне, ни на дороге, ни в монастыре. Умилительно было видеть, как старец после причастия Св. Таин возвращался из церкви в свою келию. Он шёл в мантии, епитрахили и поручах, как обыкновенно приступал к таинству. Шествие его было медленно от множества толпившегося народа, из среды которого всякий силился, хотя слегка, взглянуть на старца. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы ни души не видал вокруг себя; взор его был потуплен долу, а ум погружен внутрь себя. В эти минуты он входил своею душою в размышление о великих благодеяниях Божиих, явленных людям таинством Св. Причащения. И, благоговея к чудному старцу, никто не смел даже прикоснуться к нему. Пришедши в свою келию, он уже всех усердствующих принимал к себе, благословлял, а желающим предлагал и душеспасительное слово.

Но всего более усладительна была его беседа. Ум у о. Серафима был светлый, память твёрдая, взгляд истинно-христианский, сердце для всех доступное, воля непреклонная, дар слова живой и обильный. Речь его была столь действенна, что слушатель получал от неё душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного разумения, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему; невольно покоряли себе волю и сердце других, разливали в них мир и тишину. Как собственные действия свои, так и свои слова старец Серафим основывал на слове Божием, подтверждая их наиболее местами Нового Завета, на писаниях св. отцов и на примерах святых, Богу благоугодивших. Всё сиё потому ещё имело особенную силу, что прямо прилагалось к потребностям слушателей. По чистоте духа своего он имел дар прозорливости; иным, прежде раскрытия обстоятельств, давал наставления, относившиеся прямо ко внутренним их чувствам и мыслям сердечным.

Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище, или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже не у посвящённых людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово своё смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения и часто так, что слушатель его на первый раз и не понимал, что дело идёт о душе его. После же сила слова, осененного благодатью, непременно производила своё действие. Не выходили от него без действительного наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни учёные, ни вельможи, ни простолюдины; для всех было довольно живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца. Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно при многочисленном собрании пришельцев в Саров у него бывало в келии около 2000 человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому

то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращавшихся к нему. Все ощущали его благоприветливую, истинно-родственную любовь и её силу, потоки слёз иногда вырывались и у таких людей, которые имели твёрдое и окаменелое сердце.

Приехал однажды в Саров заслуженный генерал-лейтенант Л. Целью приезда его было любопытство. И так, пообсмотрев монастырские здания, он хотел уже и проститься с монастырём, не получив для души своей никакого духовного дара, но встретил здесь помещика Алексея Неофитовича Прокудина и разговорился с ним. Собеседник предложил генералу зайти к затворнику старцу Серафиму, но генерал только с трудом уступил убеждениям Прокудина. Как только вступили они в келию, старец Серафим, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордость Л… Прокудин, заметив, что ему не следует оставаться в келии, вышел в сени, и генерал, украшенный орденами, около получаса беседовал с затворником. Через несколько минут послышался из келии старца плач: то плакал генерал, точно дитя малое. Через полчаса раскрылась дверь, и о. Серафим вывел генерала под руки; он продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им от горести у о. Серафима. Предание говорит, будто ордена свалились у него во время беседы сами собою. О. Серафим вынес всё это и ордена надел на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошёл всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и ещё никогда не знал о той прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до тайных подробностей. Между прочим, когда кресты свалились у него, о. Серафим сказал: "Это потому, что ты получил их незаслуженно".

С особенным усердием заботился старец Серафим о тех, у кого видел расположение к добру; на пути блага он старался утвердить их всеми духовно-христианскими средствами и силами. Впрочем, не смотря на любовь ко всем, о. Серафим к некоторым был строг. Но и с нелюбящими его он был мирен, обходился кротко и любовно. Не было замечено, чтобы он какое-либо дело отнёс к себе или хвалил себя, но всегда, благословляя Господа Бога, говорил: "Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу" (Псал. 113, 9). Когда же видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям, то не восхищался сим, как бы плодом своего дела. "Мы,- говорил он,- должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: "О сем не радуйтеся, яко дуси вам повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесех" (Лук. 10, 20)".

Кроме дара прозорливости, Господь Бог продолжал являть в старце Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Так, 11 июня 1827 года исцелена была Александра, жена (Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, села Елизарьева) дворового человека Варфоломея Тимофеева Лебедева. В то время этой женщине было 22 года, и она имела двух детей. 6-го апреля 1826 года, в день сельского праздника, она, возвратившись после литургии из церкви, пообедала и потом вышла за ворота прогуляться с мужем. Вдруг, Бог знает с чего, с нею сделалась дурнота, головокружение; муж едва мог довести её до сеней. Здесь она упала на пол. С нею началась рвота и ужасные судороги; больная помертвела и впала в совершенное беспамятство. Через полчаса, как бы пришедши в себя, она начала скрежетать зубами, грызть всё, что попадалось, и, наконец, уснула. Спустя

месяц, эти болезненные припадки стали повторяться с нею ежедневно, хотя не всякий раз в одинаково сильной степени.

Сначала больную лечил домашний сельский лекарь Афанасий Яковлев, но предпринимаемые им средства не имели никакого успеха. Потом возили Александру на Илевский и Вознесенский железные заводы - там был иностранный доктор; он взялся лечить её, давал разные медикаменты, но, не видя успеха, отказался от дальнейшего лечения и советовал ещё съездить в Выксу, на чугунные заводы. "В Выксе же,- по описанию мужа больной,- доктор был иностранец с большою привилегиею". По доброму согласию с управляющим, который принимал участие в больной, Выксинский доктор истощил всё своё внимание, познания и искусство и, наконец, дал такой совет: "Теперь вы положитесь на волю Всевышнего и просите у него помощи и защиты; из людей же никто вас вылечить не сможет". Такой конец лечения очень опечалил всех, и больную поверг в отчаяние.

В ночь на 11-е июня 1827 года больная увидела сон: явилась ей незнакомая женщина, весьма старая, со впалыми глазами, и сказала: "Что ты страждешь и не ищешь себе врача?" Больная испугалась и, положивши на себя крестное знамение, начала читать молитву св. Кресту: "Да воскреснет Бог и расточатся врази Его..." Явившаяся отвечала ей: "Не убойся меня, я такой же человек, только теперь не сего света, а из царства мёртвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую обитель к о. Серафиму: он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя". Больная осмелилась спросить её: "Кто ты и откуда?" Явившаяся отвечала: "Я из Дивеевской общины, первая тамошняя настоятельница Агафия". На другой день утром родные запрягли пару господских лошадей и поехали в Саров. Только больную невозможно было везти шибко: беспрестанно делались с нею обмороки и судороги. Сарова достигла больная уже после поздней литургии, во время трапезы братии. Отец Серафим затворился и никого не принимал, но больная, приблизившись к его келии, едва успела сотворить молитву, как о. Серафим вышел к ней, взял её за руки и ввёл в свою келию. Там он накрыл её епитрахилью и тихо произнес молитвы ко Господу и Пресвятой Богородице; потом он напоил больную св. Богоявленскою водою, дал ей частицу св. антидора да три сухарика и сказал: "Каждые сутки принимай по сухарю со св. водою, да ещё: сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафии, возьми себе земли и сотвори на сём месте, сколько можешь, поклонов: она (Агафия) о тебе сожалеет и желает тебе исцеления". Потом прибавил: "Когда тебе будет скучно, ты помолись Богу и скажи: отче Серафиме! Помяни меня на молитве и помолися обо мне грешной, чтобы не впасть мне опять в сию болезнь от супостата и врага Божия". Тогда от болящей недуг отошел ощутительно с великим шумом; она была здорова во всё последующее время и невредима. После этого недуга она родила ещё четырёх сынов и пять дочерей. Собственноручная запись о сём мужа исцелённой оканчивается следующим послесловием: "Имя о. Серафима мы и поднесь в нашем сердце глубоко сохраняем и на каждой панихиде поминаем его со своими родными".

9-го декабря 1826 года в Дивеевской общине, по приказанию о. Серафима, состоялась закладка мельницы, а летом, 7-го июля, она замолола.

В этом же 1827 году отец Серафим сказал постоянно приходившему к нему за приказаниями и распоряжениями Михаилу Васильевичу Мантурову: "Радость моя! Бедная-то общинка наша в Дивееве своей церкви не имеет, а ходить-то им в приходскую, где крестины да свадьбы, не приходится: ведь они девушки. Царице Небесной угодно, чтобы была у них своя церковь к паперти же Казанской церкви пристроена, так как паперть эта достойна алтаря,

батюшка! Ведь матушка Агафия Семёновна, стоя на молитве, всю токами слёз своего смирения омыла её; вот, радость моя, и выстрой ты храм этот Рождеству Сына Её Единородного – сиротам моим!" У Михаила Васильевича Мантурова хранились в неприкосновенности деньги от продажи имения, которые батюшка приказал спрятать до времени. Теперь настал час Михаилу Васильевичу отдать всё своё достояние Господу, и такие деньги были, несомненно, угодны Спасителю мира. Следовательно, церковь Рождества Христова создалась на средства человека, принявшего на себя добровольно подвиг нищенства.

Насколько часто сёстры Дивеевские должны были первое время ходить к о. Серафиму работать и за продовольствием, которое он посылал им от себя из Сарова, видно, например, из повествования сестры Прасковьи Ивановны, впоследствии монахини Серафимы. Вновь поступающих он ещё заставлял чаще приходить других, чтобы преподать им духовное назидание. В праздник Сретения 1828-29 гг. он приказал сестре Прасковье Ивановне, как только что поступившей в обитель, дважды успеть прийти к нему и возвратиться. Следовательно, ей надо было пройти 50 вёрст и ещё провести время в Сарове. Она смутилась и сказала: "Не успею так, батюшка!" "Что ты, что ты, матушка,- ответил о. Серафим,- ведь день теперь продолжается 10 часов". "Хорошо, батюшка" - сказала Прасковья с любовью. Первый раз она пришла в келью к батюшке в монастырь, когда шла ранняя обедня. Батюшка отворил дверь и весело встретил её, назвав: радость моя! Посадил отдохнуть, накормил частичками просфоры со святою водою и потом дал нести в обитель к себе большой мешок с толокном и сухарями. В Дивеево она немного отдохнула и опять пошла в Саров. Служили вечерню, когда она вошла к батюшке, который в восторге приветствовал её, говоря: "Гряди, гряди, радость моя! Вот я накормлю тебя своею пищею". Посадил Прасковью и поставил перед нею большое блюдо пареной капусты с соком. "Это всё твоё" - сказал батюшка. Она начала есть и ощутила такой вкус, который её несказанно удивил. Потом из расспросов она узнала, что за трапезой не бывает этой пищи, и она была хороша, потому что батюшка сам по молитве своей приготовлял такую необыкновенную пищу. Однажды батюшка ей приказал работать в лесу, собирать дрова, и припас ей пищи. Часу в третьем дня он сам захотел поесть и говорит: "Поди-ка, матушка, в пустынку, там у меня на верёвочке висит кусочек хлеба, принеси его". Сестра Прасковья принесла. Батюшка посолил чёрствый хлеб, помочил его в холодной воде и начал кушать. Частицу он отделил Прасковье, но она не могла даже разжевать - так засох хлеб - и подумала: вот, какое терпит лишение батюшка. Отвечая ей на мысль, о. Серафим сказал: "Это, матушка, ещё хлеб насущный! А когда я был в затворе, то питался зелием, траву снить обливал горячею водою, так и вкушал; это пустынная пища, и вы её вкушайте". В другой раз сестра Прасковья Ивановна впала в искушение: начала малодушествовать, скучать, тосковать и задумала уйти из обители, но не знала, открыться ли батюшке? Вдруг он присылает за ней. Она входит смущённая и робкая. Батюшка начал рассказывать о себе и о своей жизни в монастыре, а затем прибавил: "Я, матушка, всю монастырскую жизнь прошёл и никогда, ниже мыслию, не выходил из монастыря". Повторяя ещё несколько раз это и приводя примеры из своего прошлого, он совершенно исцелил её, так что Прасковья Ивановна свидетельствует в своём повествовании, что в продолжение рассказа "все мои мысли понемногу успокоились, а когда кончил батюшка, так я почувствовала такое утешение, как будто больной член отрезан прочь ножом". В бытность Прасковьи Ивановны при батюшке в ближней пустынке к нему подошли Курские купцы,

заехавшие в Саров с Нижегородской ярмарки. Перед прощанием они спросили батюшку: "Что прикажете сказать вашему братцу?" О. Серафим ответил: "Скажите ему, что я молю о нём Господа и Пречистую Его Матерь день и нощь". Они отошли, а батюшка, воздевши руки, с восторгом несколько раз повторил: "Нет лучше монашеского житья, нет лучше!" Однажды, когда Прасковья Ивановна работала у источника, к ней батюшка вышел со светлым сияющим лицом и в новом белом балахончике. Ещё издали воскликнул он: "Что я тебе, матушка, принёс!" - и подошёл к ней, держа в руках зелёную веточку с фруктами. Сорвав один, он вложил ей в уста, и вкус его был невыразимо приятен и сладок. Затем, вкладывая в уста ещё такой же фрукт, он произнёс: "Вкуси, матушка, это райская пища!" В то время года ещё не могли созреть никакие фрукты.

Старшая сестра в мельничной обители о. Серафима, Прасковья Семёновна, свидетельствовала много о батюшкиных милостях к сёстрам и, между прочим, рассказала, как страшно было ослушаться его. Однажды батюшка приказал ей, чтобы она приехала с отроковицей Марией Семёновной на двух лошадях за брёвнами. Они поехали прямо к батюшке в лес, где он их уже дожидался и приготовил на каждую лошадь по два тоненьких брёвнышка. Думая, что все четыре бревна может свезти одна лошадь, сёстры переложили дорогою эти брёвнышки на одну, а на другую лошадь взвалили большое, толстое бревно. Но лишь тронулись они с места, как лошадь эта упала, захрипела и начала околевать. Сознавая себя виновными, что они поступили против благословения батюшки, они, упав на колени, тут же, в слезах, заочно начали просить прощения, а затем скинули толстое бревно и разложили брёвнышки по-прежнему. Лошадь сама вскочила и так скоро побежала, что они едва-едва могли догнать её.

Батюшка о. Серафим постоянно исцелял своих сирот от разных болезней. Раз сестра Ксения Кузьминична страдала зубной болью, от которой не спала ночи, ничего не ела и изнемогла, так как приходилось днём работать. Сказали о ней старшей сестре Прасковье Семёновне; она послала Ксению к батюшке. "Как только он меня увидел, - рассказывала Ксения, - то и говорит: что это ты, радость моя, давно ко мне не пришла! Пойди к отцу Павлу, он тебя исцелит. - А я подумала: что это? Разве он сам не может меня исцелить? Но возражать не смела. Я отыскала отца Павла и сказала ему, что меня послал к нему батюшка. Он туго-натуго сжал мне лицо обеими руками и несколько раз провёл по щекам. И зубы затихли, как рукой сняло".

Сестра Евдокия Назарова также рассказывала, что, будучи молодой девицей, она страдала два года параличом рук и ног, и её привезли к батюшке о. Серафиму, который, увидав её, стал манить к себе. Её с большим трудом подвели к батюшке, но он дал ей в руки грабли и велел гресть сено. Тут почувствовала она, что с неё что-то спало, и она начала гресть, как здоровая. Одновременно работали у батюшки Прасковья Ивановна и Ирина Васильевна. Последние стали выговаривать ей, зачем она, такая больная, пришла с ними трудиться, но батюшка, уразумев духом мысли их, сказал им: "Примите её к себе в Дивеево, она будет вам прясть и ткать". Так трудилась она до вечерни. Батюшка накормил её обедом, и затем она дошла до дома совершенно здоровою.

Старица Варвара Ильинична также свидетельствовала об излечении её отцом Серафимом: "Он, кормилец мой, два раза исцелял меня, - говорила она. - В первый-то, я словно порченая была, а потом у меня очень болели зубы, весь рот был в нарывах. Я пришла к нему, он меня поставил поодаль от себя, а мне велел рот открыть; сильно дунул на меня, завязал платочком мне всё лицо, да

тут же велел идти домой, а солнце-то было уже на закате. Я ничего не убоялась за его святою молитвою, ночью же пришла домой, а боль как рукой сняло. У батюшки я часто бывала. Он мне говаривал: "Радость моя! Ты будешь забвенная у всех". И доподлинно, бывало, приду к матушке Ксении Михайловне просить чего или из обуви, или одёжи, а она скажет: "Ты бы во время приходила и просила; ступай на поклоны". Всем даёт, а мне нет. Раз Татьяна Григорьевна что-то на меня оскорбилась и говорит: "Ах ты, забвенная!", а я вспомнила это слово батюшки, да как закричу, заплачу! Так и сбылось слово батюшки: всю свою жизнь я была у всех "забвенная". Раз мы с Акулиной Васильевной пришли к батюшке, долго что-то он говорил ей наедине, всё в чём-то убеждал, но, видно, она послушалась. Он вышел и говорит: "Вынь из моего ковчега (так называл свой гробик) сухарей". Навязал их целый узел, отдал Акулине, а другой узел мне; потом насыпал целый мешок сухарей, да и начал его бить палкою, а мы смеёмся, так и катаемся со смеху! Батюшка взглянет на нас, до ещё пуще его бьёт, а мы - знать, ничего не понимаем. Потом завязал батюшка, да и повесил на шею Аграфене и велел нам идти в обитель. После уже поняли, как эта сестра Акулина Васильевна вышла из обители и в миру терпела страшные побои. Она потом опять поступила к нам и скончалась в Дивеево. Я, как возвратилась в обитель, прямо пришла к матушке Ксении Михайловне, да сказала, что мы три ночи ночевали в Сарове. Она строго мне выговорила: "Ах, ты, самовольница! Как без благословения столько жила!" Я прошу прощения, говорю: батюшка нас задержал, и подаю ей сухари, что принесла. Она отвечает: "Коли батюшка оставил, так Бог простит. Только он дал их тебе к терпению". Так вскоре и вышло: на меня много наговорили матушке, и она меня выслала. Я всё плакала, да и пошла к батюшке Серафиму, всё ему рассказала; сама плачу, стою пред ним на коленях, а он смеётся, да так ручками сшибается. Стал молиться и приказал идти к своим девушкам на мельницу, к начальнице Прасковье Степановне. Она, по его благословению, и оставила меня у себя".- "Раз я прихожу к батюшке Серафиму в пустынку, а у него на лице мухи, а кровь ручьями бежит по щекам. Мне жаль его стало, хотела смахнуть их, а он говорит: "Не тронь их, радость моя, всякое дыхание да хвалит Господа!" Такой он терпеливец".

ВЕЛИКАЯ старица, высокой жизни, Евдокия Ефремовна (монахиня Евпраксия) так говорила о гонениях, которые претерпевал о. Серафим: "То всем уж известно, как не любили Саровцы за нас батюшку о. Серафима; даже гнали и преследовали его за нас постоянно, много-много делая ему терпения и скорби! А он, родной наш, всё переносил благодушно, даже смеялся, и часто, сам зная это, шутил над нами. Прихожу я к батюшке-то, а он всем ведь при жизни-то своей сам питал и снабжал нас всегда с отеческою заботою, спрашивая: есть ли всё? Не надо ли чего? Со мною, бывало, да вот с Ксенией Васильевной и посылывал, больше мёду, холста, елею, свечей, ладану и вина красного для службы. Так-то и тут, пришла я, наложил он мне, по обыкновению, большую суму-ношу, так что насилу сам её с гробика-то поднял, индо крякнул, и говорит: "Во, неси, матушка, и прямо иди во святые ворота, никого не бойся!" Что это,- думаю,- батюшка-то, всегда, бывало, сам посылает меня мимо конного двора задними воротами, а тут вдруг прямо на терпение, да на скорбь-то святыми воротами посылает! А в ту пору в Сарове-то стояли солдаты и всегда у ворот на часах были. Саровские игумен и казначей с братиею больно скорбели на батюшку, что всё даёт-де нам, посылает; и приказали солдатам-то всегда караулить да ловить нас, особенно же меня им указали. Ослушаться батюшку я не смела и пошла, сама не своя, так и

тряслась вся, потому что не знала, чего мне так много наложил батюшка. Только подошла я, это, к воротам, читаю молитву; солдаты-то, двое, сейчас тут-де меня за шиворот и арестовали. "Иди,- говорят, - к игумену!" Я и молю-то их, и дрожу вся; не тут-то было. "Иди,- говорят,- да и только!" Притащили меня к игумену в сенки. Его звали Нифонтом; он был строгий, батюшку Серафима не любил, а нас - ещё пуще. Приказал он мне, так сурово, развязать суму. Я развязываю, а руки-то у меня трясутся, так ходуном и ходят, а он глядит. Развязала, вынимаю всё... а там: старые лапти, корочки сломанные, отрубки да камни разные, и всё-то крепко так упихано. "Ах, Серафим, Серафим! - воскликнул Нифонт.- Глядите-ка, вот ведь какой, сам-то мучается, да и Дивеевских-то мучает!" - и отпустил меня. Так вот и в другой раз пришла я к батюшке, а он мне сумочку даёт же. "Ступай,- говорит,- прямо к святым воротам!" Пошла, остановили же меня и опять взяли и повели к игумену. Развязали суму, а в ней песок да камни! Игумен ахал-ахал, да отпустил меня. Прихожу, рассказала я батюшке, а он и говорит мне: "Ну, матушка, уж теперь в последний раз, ходи и не бойся! Уж больше трогать вас не будут!" И воистину, бывало, идёшь, и в святых воротах только спросят: чего несёшь? - "Не знаю, кормилец,- ответишь им,- батюшка послал". Тут же пропустят".

Чтобы видимо убедить всех, что Господу и Царице Небесной угодно, дабы о. Серафим занимался Дивеевской обителью, великий старец выбрал вековое дерево и помолился, чтобы оно преклонилось, в знак Божия определения. Действительно, на утро это дерево оказалось выворочено с громадным корнем при совершенно тихой погоде. Об этом дереве имеется множество записанных повествований сирот о. Серафима.

Так, Анна Алексеевна, одна из 12-ти первых сестёр обители, рассказывает следующее: "Была я тоже свидетельницею великого чуда с покойной сестрой обители, Ксенией Ильиничной Потехиной, впоследствии недолго бывшей начальницей нашей мельничной общинки, позже благочинной монастыря нашего, монахиней Клавдией. Приходит к батюшке Серафиму живописец Тамбовский, Саровский послушник Иван Тихонович. Долго толковал с ним батюшка, что напрасно блазнятся на него, что печётся он о нас; что это он делает не от себя, а по приказанию ему Самой Царицы Небесной. "Помолимся, - говорит батюшка Серафим.- Мню, что древу этому более ста лет..." - при этом он указал на дерево громадных размеров. "Простоит оно ещё много лет... Аще же я творю послушание Царицы Небесной,- преклонится древо сие в их сторону!.." - и указал на нас. "Так и знай,- продолжал о. Серафим,- что нет мне дороги оставлять их, хотя они и девушки! И если брошу я их, то и до Царя, пожалуй, дойдёт!" Приходим мы на другой день, а батюшка-то и показывает нам это самое здоровое и громадное дерево, точно бурею какою вывороченное со всеми своими корнями. И приказал батюшка, радостный, весь сияющий, разрубить дерево и отвезти к нам в Диве ев". (Корень его хранится доселе в кладбищенской церкви с прочими вещами о. Серафима.)

Настоятель Николо-Барковской пустыни, игумен Георгий, бывший гостинник Саровской пустыни Гурий, свидетельствует, что, пришедши однажды к старцу о. Серафиму в пустынку, нашёл его, что он перерубал сосну для дров, упавшую с корнем. По обычном приветствии, старец открыл об этой сосне, которую рубил, следующее: "Вот, я занимаюсь Дивеевскою общиною; вы и многие меня за это зазирали, что для чего я ими занимаюсь; вот, я вчерашний день был здесь, просил Господа для уверения вашего, угодно ли ему, что я ими занимаюсь? Если угодно Господу, то, в уверение того,- чтобы это дерево преклонилось. На этом дереве, от корня аршина полтора вышины,

заметка была вырублена крестом. Я просил Господа сего уверения; вместе с тем, что если вы или кто о них попечётся, то будет ли угодно это Богу? Господь исполнил для вашего уверения: вот - дерево преклонилось. Почему я занимаюсь ими? Я о них имею попечение за послушание старцев строителя Пахомия и казначея Исаии, моих покровителей; они о них обещались пещись до кончины своей, а по кончине заповедали они, чтобы Саровская обитель вечно не оставляла их. А за что? Когда строился холодный соборный храм, денег не было в обители, и тогда странствовала вдова полковника, имя ей Агафия; она пришла сюда, и с нею три рабыни единомышленные. Эта Агафия, возжелав спастись близ старцев, избрала местом спасения село Дивеево, тут поселилась и сделала пожертвование деньгами на устройство собора; не знаю, сколько тысяч, но знаю только, что привезено было от неё три мешка денег: один был с золотыми, один с серебряными, а третий с медными, и были они полны оными-то деньгами. Собор и сооружён её усердием; вот, за что обещались о них вечно пещись и мне заповедывали. Вот, и я вас прошу: имейте о них попечение, ведь они жили тут двенадцать человек, а тринадцатая сама Агафия. Они трудились для Саровской обители, шили и обмывали бельё, а им из обители давали на содержание всю пищу; как у нас трапеза была, и у них такова же была. Это продолжалось долго, но батюшка игумен Нифонт это прекратил и отделил их от обители; по какому случаю, на знаю! Батюшка Пахомий и Исаия пеклись о них, но никогда в их распоряжения не входили, ни Пахомий, ни Иосиф; я и то не распоряжался ими, и никому нет дороги ими распоряжаться".

В столь трудное время для дивного старца о. Серафима его одобряла и укрепляла Царица Небесная. Вот что пишет по этому поводу протоиерей о. Василий Садовский: "Однажды (1830 г.), дня три спустя после праздника иконы Успения Божией Матери, пришёл я к батюшке Серафиму в Саровскую пустынь и нашел его в келии без посетителей. Принял он меня весьма милостиво, ласково и, благословившись, начал беседу о богоугодном житии святых, как они от Господа сподоблялись дарований, чудных явлений, даже посещений Самой Царицы Небесной. И, довольно побеседовавши таким образом, он спросил меня: "Есть ли у тебя, батюшка, платочек?" Я ответил, что есть. "Дай его мне!" - сказал батюшка. Я подал. Он его разложил, стал класть из какой-то посудины пригоршнями сухарики в платок, которые были столь необыкновенно белы, что с роду я таких не видывал. "Вот, и у меня, батюшка, была Царица, так вот, после гостей-то и осталось!" - изволил сказать батюшка. Личико его до того сделалось божественно при этом и весело, что и выразить невозможно! Он наклал полный платочек и, сам завязав его крепко-накрепко, сказал: "Ну, гряди, батюшка, а придёшь домой, то самых этих сухариков покушай, дай своему подружью (так он всегда звал жену мою), потом поди в обитель и духовным-то своим чадам, каждой вложи сам в уста по три сухарика, даже и тем, которые близ обители живут в келиях: они все наши будут!" Действительно, впоследствии все поступили в обитель. По молодости лет, я и не понял, что Царица Небесная посетила его, а просто думал, не какая ли земная царица инкогнито была у батюшки, а спросить его не посмел, но потом сам угодник Божий уже разъяснил мне это, говоря: "Небесная Царица, батюшка, Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима, и во! Радость-то нам какая, батюшка! Матерь-то Божия неизъяснимою благостию покрыла убогого Серафима. "Любимиче мой! - рекла Преблагословенная Владычица, Пречистая Дева.- Проси от меня, чего хощеши!" Слышишь ли, батюшка? Какую нам милость-то явила Царица Небесная!" - и угодник Божий весь сам так и просветлел, так и сиял от восторга. "А убогий-то Серафим,-

продолжал батюшка,- Серафим-то убогий и умолил Матерь-то Божию о сиротах своих, батюшка! И просил, чтобы все, все в Серафимовой-то пустыне спаслись бы сироточки, батюшка! И обещала Матерь Божия убогому Серафиму сию неизреченную радость, батюшка! Только трем не дано, три погибнут, рекла Матерь Божия! - при этом светлый лик старца затуманился.- Одна сгорит, одну мельница смелет, а третья... (сколько ни старался я вспомнить, никак не могу; видно, уж так надо)".

Благодатная сестра Евдокия Ефремовна, удостоившаяся быть при следующем посещении Царицы Небесной о. Серафима, в 1831-м году, сообщила свой разговор с батюшкой о том же посещении, которое только что передал о. Василий:

"Вот, матушка,- сказал мне батюшка Серафим, - во обитель-то мою до тысячи человек соберётся, и все, матушка, все спасутся; я упросил, убогий, Матерь Божию, и соизволила Царица Небесная на смиренную просьбу убогого Серафима; и, кроме трёх, всех обещала Милосердая Владычица спасти, всех, радость моя! Только там, матушка,- продолжал, немного помолчав, батюшка,- там-то, в будущем, все разделятся на три разряда: сочетанныя, которые, чистотою своею, непрестанными молитвами и делами своими, чрез то и всем существом своим, сочетованы Господу; вся жизнь и дыхание их в Боге, и вечно они с Ним будут! Избранныя, которые мои дела будут делать, матушка, и со мной же и будут в обители моей. И званныя, которые лишь временно будут наш хлеб только кушать, которым тёмное место. Дастся им только коечка, в одних рубашечках будут, да всегда тосковать станут! Это нерадивые и ленивые, матушка, которые общее-то дело да послушание не берегут и заняты только своими делами; куда как мрачно и тяжело будет им! Будут сидеть, всё качаяся из стороны в сторону, на одном месте!" И, взяв меня за руку, батюшка горько заплакал. "Послушание, матушка, послушание превыше поста и молитвы!" - продолжал батюшка. "Говорю тебе, ничего нет выше послушания, матушка, и ты сказывай всем!" Затем, благословив, отпустил меня".

За год и 9-ть месяцев до своей кончины о. Серафим сподобился еще посещения Богоматери. Посещение было ранним утром, в день Благовещения, 25-го марта 1831 года. Записала его и подробно сообщила дивная старица Евдокия Ефремовна (впоследствии мать Евпраксия).

"В последний год жизни батюшки Серафима я прихожу к нему вечером, по его приказанию, накануне праздника Благовещения Божией Матери. Батюшка встретил и говорит: "Ах, радость моя, я тебя давно ожидал! Какая нам с тобою милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас!" "Достойна ли я, батюшка, получать благодать по грехам моим?" - отвечаю я. Но батюшка приказал: "Повторяй, матушка, несколько раз сряду: "Радуйся, Невесто Неневестная! Аллилуйя!" Потом начал говорить: "И слышать-то никогда не случалось, какой праздник нас с тобою ожидает!" Я начала было плакать... Говорю, что я недостойна; а батюшка не приказал, стал утешать меня, говоря: "Хотя и недостойна ты, но я о тебе упросил Господа и Божию Матерь, чтоб видеть тебе эту радость! Давай молиться!" И, сняв с себя мантию, надел её на меня и начал читать акафисты: Господу Иисусу, Божией Матери, Святителю Николаю, Иоанну Крестителю; каноны: Ангелу Хранителю, всем святым. Прочитав всё это, говорит мне: "Не убойся, не устрашись, благодать Божия к нам является! Держись за меня крепко!" И вдруг сделался шум, подобно ветру, явился блистающий свет, послышалось пение. Я не могла всё это видеть и слышать без трепета. Батюшка упал на колени и, воздев руки к небу, воззвал: "О, Преблагословенная, Пречистая Дево, Владычице Богородица!" И вижу, как

впереди идут два Ангела с ветвями в руках, а за ними Сама Владычица наша. За Богородицей шли двенадцать дев, потом ещё св. Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов. Я упала от страха замертво на землю и не знаю, долго ли я была в таком состоянии, и что изволила говорить Царица Небесная с батюшкой Серафимом. Я ничего не слышала также, о чём батюшка просил Владычицу. Перед концом видения услышала я, лёжа на полу, что Матерь Божия изволила спрашивать батюшку Серафима: "Кто это у тебя лежит на земле?" Батюшка ответил: "Это та самая старица, о которой я просил Тебя, Владычица, быть ей при явлении Твоём!" Тогда Пречистая изволила взять меня, недостойную, за правую руку, и батюшка за левую, и через батюшку приказала мне подойти к девам, пришедшим с Нею, и спросить: как их имена и какая жизнь была их на земле. Я и пошла по ряду спрашивать. Во-первых, подхожу к ангелам, спрашиваю: кто вы? Они отвечают: мы Ангелы Божии. Потом подошла к Иоанну Крестителю, он также сказал мне имя свое и жизнь вкратце; точно также св. Иоанн Богослов. подошла к девами их спросила, каждую о имени; они рассказали мне свою жизнь. Святые девы по именам были: великомученицы Варвара и Екатерина, св. первомученица Фекла, св. великомученица Марина, св. великомученица и царица Ирина, преподобная Евпраксия, св. великомученицы Пелагея и Дорофея, преподобная Макрина, мученица Иустина, св. великомученица Иулиания и мученица Анисия. Когда я спросила их всех, то подумала: пойду, упаду к Ножкам Царицы Небесной и буду просить прощения в грехах моих, но вдруг всё стало невидимо. После батюшка говорит, что это видение продолжалось четыре часа.

Когда мы остались одни с батюшкой, я говорю ему: "Ах, батюшка, я думала, что умру от страха, и не успела попросить Царицу Небесную об отпущении грехов моих". Но батюшка отвечал мне: "Я, убогий, упросил о вас Божию Матерь и не только о вас, но по всех, любящих меня, и о тех, кто служил мне и моё слово исполнял; кто трудился для меня, кто обитель мою любит, а кольми паче вас не оставлю и не забуду. Я отец ваш, попекусь о вас и в сём веке, и в будущем; и кто в моей пустыне жить будет, всех не оставлю, и роды ваши не оставлены будут. Вот, какой радости Господь сподобил нас, зачем нам унывать!" Тогда я стала просить батюшку, чтобы он научил меня, как жить и молиться. Он ответил: "Вот как молитесь: Господи, сподоби меня умереть христианскою кончиною, не остави меня, Господи, на страшном суде Твоем, не лиши Царствия Небесного! Царица Небесная, не остави меня!" После всего я поклонилась в ножки батюшке, а он, благословивши меня, сказал: "Гряди, чадо, с миром в Серафимову пустынь!"

В другом рассказе старицы Евдокии Ефремовны встречаются ещё большие подробности. Так, она говорит: "Впереди шли два Ангела, держа - один в правой, а другой в левой руке - по ветке, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их, похожие на золотисто-жёлтый лён, лежали распущенными на плечах. Одежда Иоанна Предтечи и Апостола Иоанна Богослова была белая, блестящая от чистоты. Царица Небесная имела на себе мантию, подобно той, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета - сказать не могу, несказанной красоты, застёгнутою под шеею большою круглою пряжкою (застёжкою), убранною крестами, разнообразно разукрашенными, но чем - не знаю, а помню только, что она сияла необыкновенным светом. Платье, сверх коего была мантия,- зелёное, перепоясанное высоким поясом. Сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи, которые, равно как и епитрахиль, были убраны крестами. Владычица казалась ростом выше всех дев; на голове Её была возвышенная корона, украшенная разнообразными крестами, прекрасная,

чудная, сиявшая таким светом, что нельзя было смотреть глазами, равно как и на пряжку (застёжку), и на Самое Лицо Царицы Небесной. Волосы Её были распущены, лежали на плечах и были длиннее и прекраснее Ангельских. Девы шли за нею попарно, в венцах, в одеждах разного цвета и с распущенными волосами; они стали кругом всех нас. Царица Небесная была в середине. Келия батюшки сделалась просторная, и весь верх исполнился огней, как бы горящих свеч. Свет был особый, непохожий на дневной свет и светлее солнечного.

Взяв меня за правую руку, Царица Небесная изволила сказать: "Встань, девица, и не убойся Нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со Мною". Я не почувствовала, как встала. Царица Небесная изволила повторить: "Не убойся, Мы пришли посетить вас". Батюшка Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Пресвятою Богородицею, и Она говорила столь милостиво, как бы с родным человеком. Объятая великою радостию, спросила я батюшку Серафима: где мы? Я думала, что я уже не живая; потом, когда спросила его: Кто это? - то Пречистая Богородица приказала мне подойти ко всем самой и спросить их и т. д.

Девы все говорили: "Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдания и за поношения; и ты пострадаешь!" Пресвятая Богородица много говорила батюшке Серафиму, но всего не могла я расслышать, а вот что слышала хорошо: "Не оставь дев Моих Дивеевских!" Отец Серафим отвечал: "О, Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их управить!" На это Царица Небесная ответила: "Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу! Возложи на них послушание; если исправят, то будут с тобою и близ Меня, и если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих; ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражён будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом!" Потом, обратясь ко мне, сказала: "Вот, посмотри на сих дев Моих и на венцы их: иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав Царства Вечного и Небесного, возлюбивши нищету самоизвольную, возлюбивши Единого Господа. И за это, видишь, какой славы и почести сподобились! Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние - тайно, сердечными скорбями, и мзда им будет такая же". Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: "Скоро, любимиче Мой, будешь с Нами!" - и благословила его. Простились с ним и все святые; девы целовались с ним рука в руку. Мне сказано было: "Это видение тебе дано ради молитв о. Серафима, Марка, Назария и Пахомия". Батюшка, обратясь после этого ко мне, сказал: "Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих! Мне таким образом уже двенадцатый раз было явление от Бога, и тебя Господь сподобил. Вот, какой радости достигли! Есть нам, почему веру и надежду иметь ко Господу! Побеждай врага-диавола и противу его будь во всём мудра; Господь тебе во всём поможет!"

Батюшка Серафим, как сказано, принимал множество посетителей. Он поучал мирян, обличал в них ложные направления ума и жизни. Так, один священник привёл с собою к о. Серафиму профессора, который не столько хотел слышать беседу старца, сколько принять его благословение на вступление в монашество. Старец благословил его по обычаю священства, но насчёт его желания вступить в монашество не давал никакого ответа, занявшись беседою со священником. Профессор, стоя в стороне, внимал их беседе. Священник, между тем, во время разговора часто наводил речь на цель, с которою пришёл к нему учёный. Но старец, намеренно уклоняясь от сего предмета, продолжал свою беседу и только раз, как бы мимоходом,

заметил о профессоре: "Не нужно ли ему ещё доучиться чему-нибудь?" Священник на это решительно объяснил ему, что он знает Православную веру, сам - профессор семинарии, и стал убедительнейше просить разрешить только недоумение его насчёт монашества. Старец на это отвечал: "И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, всё равно, как бы самому носить камешки на верх собора. Так вот, какая разница между учением других и прохождением самому дела". В заключение, он советовал профессору прочитать историю св. Иоанна Дамаскина, говоря, что из неё он усмотрит, чему ещё надобно доучиться ему.

Однажды пришли к нему четыре старообрядца спросить о двуперстном сложении. Только что они переступили за порог келии, не успели ещё сказать своих помыслов, как старец подошёл к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трёхперстное сложение по чину Православной Церкви и, таким образом крестя его, держал следующую речь: "Вот христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от св. Апостолов, а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в Церковь Греко-российскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие её - учители Церкви, архипастыри - суть преемники Апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и вёсел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывёт за нею, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю".

В другое время пришёл к нему один старообрядец и спросил: "Скажи, старец Божий, какая вера лучше: нынешняя церковная или старая?"

Оставь свои бредни,- отвечал о. Серафим.- Жизнь наша есть море, св. Православная Церковь наша - корабль, а Кормчий - Сам Спаситель. Если с Таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чём утверждаешь свою надежду - спастись без Кормчего?

Однажды зимою привезли на санях больную женщину к монастырской келии о. Серафима и о сём доложили ему. Несмотря на множество народа, толпившегося в сенях, о. Серафим просил принести её к себе. Больная вся была скорчена, коленки сведены к груди. Её внесли в жилище старца и положили на пол. О. Серафим запер дверь и спросил её:

- Откуда ты, матушка?
- Из Владимирской губернии.
- Давно ли ты больна?
- Три года с половиною.
- Какая же причина твоей болезни?
- Я была прежде, батюшка, Православной веры, но меня отдали замуж за старообрядца. Я долго не склонялась к ихней вере, и всё была здорова. Наконец, они меня уговорили: я переменила крест на двуперстие и в церковь ходить не стала. После того, вечером, пошла я раз по домашним делам во двор; там одно животное показалось мне огненным, даже опалило меня; я, в испуге, упала, меня начало ломать и корчить. Прошло немало времени. Домашние хватились, искали меня, вышли на двор и нашли - я лежала. Они меня внесли в комнату. С тех пор я хвораю.

- Понимаю… отвечал старец. А веруешь ли ты опять в св. Православную Церковь?
- Верую теперь опять, батюшка, - отвечала больная. Тогда о. Серафим сложил по-православному персты, положил на себе крест и сказал:
- Перекрестись вот так, во имя Святой Троицы.
- Батюшка, рада бы, - отвечала больная, - да руками не владею.

О. Серафим взял из лампады у Божией Матери Умиления елея и помазал грудь и руки больной. Вдруг её стало расправлять, даже суставы затрещали, и тут же получила совершенное здоровье. Народ, стоявший в сенях, увидев чудо, разглашал по всему монастырю, и особенно в гостинице, что о. Серафим исцелил больную.

Когда это событие кончилось, то пришла к о. Серафиму одна из Дивеевских сестёр. О. Серафим сказал ей:
- Это, матушка, не Серафим убогий исцелил её, а Царица Небесная.

Потом спросил её:
- Нет ли у тебя, матушка, в роду таких, которые в церковь не ходят?
- Таких нет, батюшка,- отвечала сестра, - а двуперстным крестом молятся мои родители и родные все.
- Попроси их от моего имени,- сказал о. Серафим, - чтобы они слагали персты во имя Святой Троицы.
- Я им, батюшка, говорила о сём много раз, да не слушают.
- Послушают, попроси от моего имени. Начни с твоего брата, который меня любит; он первый согласится. А были ли у тебя из умерших родные, которые молились двуперстным крестом?
- К прискорбию, у нас в роду все так молились.
- Хоть и добродетельные были люди,- заметил о. Серафим, пораздумавши,- а будут связаны: св. Православная Церковь не принимает этого креста… А знаешь ли ты их могилы?

Сестра назвала могилы тех, которых знала, где погребены.
- Сходи ты, матушка, на их могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Он разрешил их в вечности.

Сестра так и сделала. Сказала и живым, чтобы они приняли православное сложение перстов во имя Святой Троицы, и они точно послушались голоса о. Серафима: ибо знали, что он угодник Божий и разумеет тайны св. Христовой веры.

Однажды о. Серафим в неизобразимой радости сказал доверенному иноку: "Вот, я тебе скажу об убогом Серафиме! Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: в дому Отца Моего обители мнози суть (т.е. для тех, которые служат Ему и прославляют Его святое имя). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители и молил Господа моего Иисуса Христа, чтобы Он показал мне эти обители; и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости; Он исполнил моё желание и прошение; вот, я и был восхищен в эти небесные обители; только не знаю, с телом или кроме тела - Бог весть; это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкусил, сказать тебе невозможно". И с этими словами о. Серафим замолчал… Он поник головою, гладя тихонько рукою против сердца, лицо его стало постепенно меняться и, наконец, до того просветилось, что невозможно было смотреть на него. Во время таинственного своего молчания, он как будто созерцал что-то с умилением. Потом о. Серафим снова заговорил:

- Ах, если бы ты знал, - сказал старец иноку, - какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келия наша,- при этом он показал на свою келию,- была полна червей, и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовил Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголанные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам св. Апостол Павел (2 Кор. 12, 2-4), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворятся души праведных?

В заключение своей беседы, старец говорил о том, как необходимо теперь тщательнейшим образом заботиться о своём спасении, пока не прошло ещё благоприятное время.

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Он давал наставления для будущего, которое человеку обыкновенному никак не предусмотреть. Так, пришла к нему в келию одна молодая особа, никогда не думавшая оставить мир, чтобы попросить наставления, как ей спастись. Едва только эта мысль мелькнула в её голове, старец уже начал говорить: "Много-то не смущайся, живи так, как живёшь; в большем Сам Бог тебя научит". Потом, поклонившись ей до земли, сказал: "Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо; этим и спасёшься". Находясь тогда ещё в мире и совершенно не думая никогда быть в монастыре, эта особа никак не могла понять, к чему клонятся такие слова о. Серафима. Он же, продолжая свою речь, сказал ей: "Когда придёт это время, тогда вспомните меня". Прощаясь с о. Серафимом, собеседница сказала, что, может быть, Господь приведёт им опять свидеться. "Нет,- отвечал о. Серафим,- мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня в святых своих молитвах". Когда же она просила помолиться и за неё, он отвечал: "Я буду молиться, а ты теперь гряди с миром: на тебя уже сильно ропщут". Спутницы, действительно, встретили её на гостинице с сильным ропотом за медлительность. Между тем, слова о. Серафима не были произнесены на воздух. Собеседница, по неисповедимым судьбам Промысла, ступила в монашество под именем Каллисты и, быв игуменьею в Свияжском монастыре Казанской губернии, помнила наставления старца и по ним устрояла свою жизнь.

В другом случае посетили о. Серафима две девицы, духовные дочери Стефана, Саровской пустыни схимонаха. Одна из них была купеческого сословия, молодых лет, другая из дворян, уже пожилая возрастом. Последняя от юности горела любовью к Богу и желала давно сделаться инокинею, только родители не давали ей на то благословения. Обе девицы пришли к о. Серафиму принять благословение и попросить у него советов. Благородная, сверх того, просила благословить её на вступление в монастырь. Старец, напротив, стал советовать ей вступить в брак, говоря: "Брачная жизнь благословлена Самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать супружескую верность, любовь и мир. В браке ты будешь счастлива, а в монашество нет тебе дороги. Монашеская жизнь трудная; не для всех выносима". Девица же из купеческого звания, юная возрастом, о монашестве не думала и слова о том о. Серафиму не говорила. Между тем, он, сам от себя, благословил её, по своей прозорливости, поступить в иноческий сан, даже назвал монастырь, в котором она будет спасаться. Обе остались одинаково

недовольны беседою старца; а девица пожилых лет даже оскорбилась его советами и охладела в своём усердии к нему. Сам духовный отец их, иеромонах Стефан, удивлялся и не понимал, почему, в самом деле, старец пожилую особу, ревностную к иноческому пути, отвлекает от монашества, а деву юную, не желающую иночества, благословляет на путь сей? Последствия, однако же, оправдали старца. Благородная девица, уже в преклонных летах, вступила в брак и была счастлива. А юная, действительно, пошла в тот монастырь, который назвал прозорливый старец.

Даром прозорливости своей о. Серафим приносил много пользы ближним. Так, была в Сарове из Пензы благочестивая вдова дьякона, по имени Евдокия. Желая принять благословение старца, она, в среде множества народа, пришла за ним из больничной церкви и остановилась на крыльце его келии, ожидая позади всех, когда придёт очередь её подойти к о. Серафиму. Но о. Серафим, оставивши всех, вдруг говорит ей: "Евдокия, поди ты сюда поскорее". Евдокия необыкновенно удивлена была, что он назвал её по имени, никогда не видавши её, и подошла к нему с чувством благоговения и трепета. О. Серафим благословил её, дал св. антидора и сказал: "Тебе надобно поспешить домой, чтоб застать дома сына". Евдокия поспешила и, в самом деле, едва застала сына своего дома: в её отсутствие начальство Пензенской семинарии назначило его студентом Киевской академии и, по причине дальности расстояния Киева от Пензы, спешило скорее отправить его на место. Этот сын, по окончании курса в Киевской академии, пошёл в монашество под именем Иринарха, был наставником в семинариях; в настоящее время состоит в звании архимандрита и глубоко чтит память о. Серафима.

Алексею Гурьевичу Воротилову не раз говорил о. Серафим, что некогда на Россию восстанут три державы и много изнурят её. Но за Православие Господь помилует и сохранит её. Тогда эта речь, как сказание о будущем, непонятна была; но события объяснили, что старец говорит это о Крымской кампании.

Молитвы старца Серафима были так сильны пред Богом, что есть примеры восстановления болящих от одра смерти. Так, в мая 1829 года сильно заболела жена Алексея Гурьевича Воротилова, жителя Горбатовского уезда, села Павлово. Воротилов же имел большую веру в силу молитв о. Серафима, и старец, по свидетельству знающих людей, любил его, как бы своего ученика и наперсника. Тотчас же Воротилов отправился в Саров и, несмотря на то, что приехал туда в полночь, поспешил к келии о. Серафима. Старец, как бы ожидая его, сидел на крылечке келии и, увидавши, приветствовал его сими словами: "Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму?" Воротилов со слезами рассказал ему о причине поспешного прибытия в Саров и просил помочь болящей жене его. Но о. Серафим, к величайшей скорби Воротилова, объявил, что жена его должна умереть от болезни. Тогда Алексей Гурьевич, обливаясь потоком слёз, припал к ногам подвижника, с верою и смирением умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. О. Серафим тотчас погрузился в умную молитву минут на десять, потом открыл очи свои и, поднимая Воротилова на ноги, с радостию сказал: "Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей живот. Гряди с миром в дом твой". С радостью Воротилов поспешил домой. Здесь он узнал, что жена его почувствовала облегчение именно в те минуты, когда о. Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

После затвора о. Серафим изменил свой образ жизни и стал иначе одеваться. Он вкушал пищу один раз в день, вечером, и одевался в подрясник из чёрного, толстого сукна. Летом накидывал сверху белый холщовый

балахон, а зимою носил шубу и рукавицы. В погоду осеннюю и ранней весны носил кафтан из толстого русского чёрного сукна. От дождя и жары надевал полумантию, сделанную из цельной кожи, с вырезами для надевания. Поверх одежды подпоясывался белым и всегда чистым полотенцем и носил медный свой крест. На труды монастырские летом выходил в лаптях, зимою в бахилах, а, идя в церковь к богослужению, надевал, по приличию, кожаные коты. На голове носил зимою и летом камилавку. Сверх того, когда следовало по монастырскому уставу, он надевал мантию и, приступая к принятию Св. Таин, облачался в епитрахиль и поручи и потом, не снимая их, принимал в келии богомольцев.

Один богатый человек, посетивши о. Серафима и видя его убожество, стал говорить ему: "Зачем ты такое рубище носишь на себе?" О. Серафим ответствовал: "Иоасаф царевич данную ему пустынником Варлаамом мантию счёл выше и дороже царской багряницы" (Четь-минея, ноября 19 дня).

Противу сна о. Серафим подвизался очень строго. Известно стало в последние годы, что он предавался ночному покою иногда в сенях, иногда в келии. Спал же он, сидя на полу, спиною прислонившись к стене и протянувши ноги. В другой раз он преклонял голову на камень или на деревянный отрубок. Иногда же повергался на мешках, кирпичах и поленьях, бывших в его келии. Приближаясь же к минуте своего отшествия, он начал опочивать таким образом: становился на колени и спал ниц к полу на локтях, поддерживая руками голову.

Его иноческое самоотвержение, любовь и преданность к Господу и Божией Матери были столь велики, что, когда один господин, Иван Яковлевич Каратаев, бывши у него в 1831 году на благословении, спросил, не прикажет ли он сказать что-нибудь своему родному брату и другим родственникам в Курске, куда Каратаев ехал, то старец, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкою сказал: "Вот мои Родные, а для живых родных я уже живой мертвец".

Время, которое о. Серафиму оставалось от сна и занятий с приходящими, он проводил в молитве. Совершая молитвенное правило во всею точностью и усердием за спасение своей души, он был в то же время великим молитвенником и ходатаем пред Богом за всех живых и усопших православных христиан. Для сего, при чтении Псалтири, на каждой главе он неопустительно произносил от всего сердца следующие молитвы:

1. За живых: "Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычествия Твоего православно живущих: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное: и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй".
2. За усопших: "Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: праотец, отец и братий наших, зде лежащих и повсюду православных христиан преставившихся: подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоей бесконечной и блаженной жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное".

В молитве за усопших и живых особенное значение имели восковые свечи, горевшие в его келии пред святынею. Это объяснил в ноябре 1831 года сам старец о. Серафим в беседе с Н. А. Мотовиловым. "Я,- рассказывал Николай Александрович,- видевши у батюшки о. Серафима много лампад, в особенности многие кучи восковых свеч, и больших, и малых, на разных круглых подносах, на которых от таявшего много лет и капавшего со свеч

воска образовались как бы восковые холмики, подумал про себя: для чего это батюшка о. Серафим возжигает такое множество свеч и лампад, производя в келии своей нестерпимый жар от теплоты огненной? А он, как бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказал мне:

- Вы хотите знать, ваше боголюбие, для чего я зажигаю так много лампад и свеч пред святыми иконами Божиими? Это вот для чего: я имею, как и вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим. Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот, когда я читаю правило своё, то и поминаю их сначала единожды. А так как, по множеству имён, я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует,- тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила - то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных - за несколько человек одну большую свечу, за иных же постоянно теплю лампады; и, где следует на правиле поминать их, говорю: Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжёг тебе аз, убогий, сии свещи и кандила (т.е. лампады). А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или так, простое моё усердие, ни на чём божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: "Моисее, Моисее! Рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандила во дни и в нощи: сия бо угодно есть предо Мною и жертва благоприятна Ми есть". Так вот, ваше боголюбие, почему св. Церковь Божия прияла в обычай возжигать во св. храмах и в домах верных христиан кандила или лампады пред святыми иконами Господа, Божией Матери, св. Ангелов и св. человеков, Богу благоугодивших".

Молясь о живых, в особенности о требовавших у него молитвенной помощи, о. Серафим поминал всегда усопших и память о них творил в келейных молитвах своих по уставу Православной Церкви.

Раз, сам о. Серафим рассказывал следующее обстоятельство: "Умерли две монахини, бывшие обе игумениями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязуемы и потом осуждены. Трое суток молился я, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по Своей благости, молитвами Богородицы, помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от милосердия Божия прощение".

Однажды замечено было, что во время молитвы старец Серафим стоял на воздухе. Случай этот рассказан княгинею Е. С. Ш.

Приехал к ней из Петербурга больной племянник её, г. Я. Она, не медля долго, повезла его в Саров к о. Серафиму. Молодой человек был объят таким недугом и слабостью, что не ходил сам, и его на кровати внесли в монастырскую ограду. О. Серафим в это время стоял у дверей своей монастырской келии, как бы ожидая встретить расслабленного. Тотчас он просил внести больного в свою келию и, обратившись к нему, сказал: "Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться; только смотри, лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся". Больной долго лежал, повинуясь словам старца. Но терпение его ослабело, любопытство подмывало его взглянуть, что делает старец. Оглянувшись же, он увидел о. Серафима стоящим на воздухе в молитвенном положении и от неожиданности и необычайности видения вскрикнул. О. Серафим, по совершении молитвы, подошедши к нему, сказал: "Вот, ты теперь будешь всем толковать, что Серафим - святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты смотри,

огради себя молчанием и не поведай того никому до дня преставления моего, иначе болезнь твоя опять вернётся". Г. Я., действительно, встал с постели и, хотя опираясь на других, но уже сам, на своих ногах, вышел из келии. В монастырской гостинице его осаждали вопросами: "Как и что делал и что говорил о. Серафим?" Но, к удивлению всех, он не сказал ни одного слова. Молодой человек, совершенно исцелившись, опять был в Петербурге и снова через несколько времени воротился в имение княгини Ш. Тут он сведал, что старец Серафим опочил от трудов своих, и тогда рассказал о его молении на воздухе. Один случай такой молитвы нечаянно был усмотрен, но, конечно, старец не один раз благодатию Божиею был воздвигаем на воздух во время своих продолжительных молитвенных подвигов.

За год до смерти о Серафим почувствовал крайнее изнеможение сил душевных и телесных. Ему было теперь около 72-х лет. Обыкновенный порядок жизни его, заведённый с окончания затвора, неминуемо подвергся теперь изменению. Старец стал реже ходить в пустынную келию. В монастыре также тяготился постоянно принимать посетителей. Народ, свыкшийся с мыслью беспрепятственно видеть о. Серафима во всякое время, скорбел, что теперь он начал уклоняться от взоров. Однако же, усердие к нему заставляло многих не малое время проживать на монастырской гостинице, чтобы изыскать не обременительный для глубокого старца случай увидеть его и выслушать из уст его желаемое слово назидания или утешения.

Кроме предсказаний другим, старец начал теперь предсказывать и о своей смерти.

Так, пришла раз к нему сестра Дивеевской общины Параскева Ивановна с другими сотрудницами из сестёр же. Старец начал говорить им: "Я силами слабею; живите теперь одни, оставляю вас". Скорбная беседа о разлуке растрогала слушательниц; они заплакали и с тем расстались со старцем. Однако же они подумали, по поводу этой беседы, не о смерти его, а о том, что о. Серафим, по преклонности лет, хочет отложить попечение о них, чтобы удалиться в затвор.

В другой раз старца посетила одна Параскева Ивановна. Он был в лесу, в ближней пустыне. Благословивши её, о. Серафим сел на отрубок дерева, а сестра около него стала на колени. О Серафим повёл духовную беседу и пришёл в необыкновенный восторг: встал на ноги, руки поднял горе, взоры к небу. Благодатный свет озарил его душу от представления блаженства будущей жизни. Ибо старец беседовал в настоящий раз собственно о том, какая вечная радость ожидает человека на небе за недолговременные скорби временной жизни. "Какая радость, какой восторг,- говорил он,- объемлют душу праведника, когда, по разлучении с телом, её сретают Ангелы и представляют пред Лице Божие!" Раскрывая эту мысль, старец несколько раз спрашивал сестру: понимает ли она его? Сестра же всё слушала, не говоря ни слова. Она понимала беседу старца, но не видела, чтобы речь клонилась к его кончине. Тогда о. Серафим снова стал говорить прежнее: "Я силами ослабеваю; живите теперь одни, оставляю вас". Сестра подумала, что он хочет опять укрыться в затвор, но о. Серафим на её мысли ответил: "Искал я вам матери (настоятельницы), искал... и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери".

За полгода до смерти о. Серафим, прощаясь со многими, с решительностью говорил: "Мы не увидимся более с вами". Некоторые просили благословения приехать в великий пост, поговеть в Сарове и ещё раз насладиться лицезрением и беседою его. "Тогда двери мои затворятся,- отвечал на это старец,- вы меня не увидите". Стало очень заметно, что жизнь

о. Серафима угасает; только дух его, по-прежнему, и ещё более прежнего, бодрствовал. "Жизнь моя сокращается,- говорил он некоторым между братиею,- духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мёртв".

1-го января 1833 года, в день воскресный, о. Серафим пришёл в последний раз в больничную церковь во имя свв. Зосимы и Савватия, ко всем иконам поставил сам свечи и приложился, чего прежде не замечали за ним; потом причастился, по обычаю, Св. Христовых Таин. По окончании же литургии, он простился со всеми здесь молившимися братиями, всех благословил, поцеловал и, утешая, говорил: "Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся". Простившись же со всеми, он приложился ко кресту и к образу Божией Матери; затем, обошедши кругом св. престола, сделал обычное поклонение и вышел из храма северными дверями, как бы знаменуя этим, что человек одними вратами, путём рождения, входит в мир сей, а другими, т. е. вратами смерти, исходит из него. В сие время все заметили в нём крайнее изнеможение сил телесных; но духом старец был бодр, спокоен и весел.

После литургии у него была сестра Дивеевской общины Ирина Васильевна. Старец прислал с нею Параскеве Ивановне 200 руб. ассигн. денег, поручая последней купить в ближней деревне хлеба на эти деньги, ибо в то время весь запас вышел, и сёстры находились в большой нужде.

Старец Серафим имел обыкновение, при выходе из монастыря в пустынь, оставлять в своей келии горящими зажжённые с утра пред образами свечи. Брат Павел, пользуясь его расположением, иногда говаривал старцу, что от зажжённых свеч может произойти пожар; но о. Серафим всегда отвечал на это: "Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром". Так и случилось.

В первый день 1833 года брат Павел заметил, что о. Серафим в течение сего дня раза три выходил на то место, которое было им указано для его погребения, и, оставаясь там довольно долгое время, смотрел на землю. Вечером же о. Павел слышал, как старец пел в своей келии пасхальные песни.

Второго числа января, часу в шестом утра, брат Павел, выйдя из своей келии к ранней литургии, почувствовал в сенях близ келии о. Серафима запах дыма. Сотворив обычную молитву, он постучался в дверь о. Серафима, но дверь изнутри была заперта крючком, и ответа на молитву не последовало. Он вышел на крыльцо и, заметив в темноте проходивших в церковь иноков, сказал им: "Отцы и братия! Слышен сильный дымный запах. Не горит ли что около нас? Старец, верно, ушёл в пустыню". Тут один из проходивших, послушник Аникита, бросился к келии о. Серафима и, почувствовав, что она заперта, усиленным толчком сорвал её с внутреннего крючка. Многие христиане, по усердию, приносили к о. Серафиму разные холщовые вещи. Эти вещи, вместе с книгами, лежали на этот раз на скамье в беспорядке близ двери. Они-то и тлели, вероятно, от свечного нагара или от упавшей свечи, подсвечник которой тут же стоял. Огня не было, а тлели только вещи и некоторые книги. На дворе было темно, чуть брезжилось; в келии о. Серафима света не было, самого старца также не видно было и не слышно. Думали, что он отдыхает от ночных подвигов, и в этих мыслях пришедшие толпились у келии. В сенях произошло небольшое замешательство. Некоторые из братии бросились за снегом и погасили тлевшие вещи.

Ранняя литургия, между тем, безостановочно совершалась своим порядком в больничной церкви. Пели Достойно есть... В это время неожиданно прибежал в церковь мальчик, один из послушников, и тихонько повестил некоторых о происшедшем. Братия поспешила к келии о. Серафима.

Иноков собралось не мало. Брат Павел и послушник Аникита, желая удостовериться, не отдыхает ли старец, в темноте начали ощупывать небольшое пространство его келии и нашли его самого, стоящего на коленях в молитве, со сложенными крестообразно руками. Он был мёртв.

После обедни о. Серафима положили в гроб, по завещанию его, с финифтяным изображением препод. Сергия, полученным из Троицко-Сергиевской лавры. Могилу блаженному старцу приготовили на том самом месте, которое давно было намечено им самим, и его тело в продолжение восьми суток стояло открытым в Успенском соборе. Саровская пустынь до дня погребения наполнена была тысячами народа, собравшегося из окрестных стран и губерний. Каждый наперерыв теснился облобызать великого старца. Все единодушно оплакивали потерю его и молились об упокоении души его, как он при жизни своей молился о здравии и спасении всех. В день погребения за литургией народа так много было в соборе, что местные свечи около гроба тухли от жара.

В то время в Глинской обители, Курской губернии, подвизался иеромонах Филарет. Его ученик сообщил, что 2-го января, выходя из храма после утрени, отец Филарет показал на небе необыкновенный свет и сказал: "Вот, так-то души праведных возносятся на небо! Это душа отца Серафима возносится!"

Архимандрит Митрофан, занимавший должность ризничего в Невской Лавре, был послушником в Саровской пустыне и находился при гробе о. Серафима. Он передал Дивеевским сиротам, что лично был свидетелем чуда: когда духовник хотел положить разрешительную молитву в руку о. Серафима, то рука сама разжалась. Игумен, казначей и другие видели это и долго оставались в недоумении, пораженные случившимся.

Погребение о. Серафима совершено было о. игуменом Нифонтом. Тело его предано земле по правую сторону соборного алтаря, подле могилы Марка-затворника. (Впоследствии, усердием Нижегородского купца Я. Сырева над могилою его воздвигнут чугунный памятник в виде гробницы, на котором написано: жил во славу Божию 73 года, 5 месяцев и 12-ть дней).